

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

ЯРОСТЬ ON-LINE

Ярость

Александр Романовский

Ярость on-line

«Романовский Александр Георгиевич»

2005

Романовский А. Г.

Ярость on-line / А. Г. Романовский — «Романовский Александр Георгиевич», 2005 — (Ярость)

ISBN 5-93556-485-8

Курт Страйкер – получеловек-полузверь. Он Волк, прирожденный убийца. Он одержим жадой мести, но его используют в своих интересах. Орден Черепа – могущественный гангстерский клан, чей предводитель мечтает о господстве во всем Мегаполисе, и «Всадники апокалипсиса» – противостоящая группировка. Два титана обречены на столкновение. Страйкеру, оказавшееся в эпицентре тайной и жестокой войны между преступными кланами, предстоит уничтожить главу «Всадников», о котором известно лишь то, что он обитает не в обычной реальности, а в киберпространстве и будто бы почти неуязвим... Почти.

ISBN 5-93556-485-8

© Романовский А. Г., 2005

© Романовский Александр
Георгиевич, 2005

Александр Романовский

Ярость on-line

Курт полулежа развалился на сиденье. Водитель не произнес ни слова; молча крутил баранку. Бритый затылок мерцал в полуметре от Страйкера.

За окном проносилось Гетто: расстреливало ночь тысячей разноцветных огней. Неон, витрины, голограммы. Лица прохожих были похожи на разноцветные маски, изображающие мифических чудовищ. Если, конечно, в мифах присутствовали популярные торговые марки... Логотипы перетекали с одного лица на другое.

Автомобиль несся сквозь Царство потребления. Серый, неприметный драндулет. Мало-литражка. В Ордене таких единицы, и все они использовались сугубо в «оперативных» целях. Не для праздных выездов, нет. Невольно Курт представил, какой могла быть машина «штатного киллера». Эдакий монстр, увешанный черепами, изукрашенный фосфоресцирующим пламенем – «ВОЛК № 1».

А затем Страйкер понял, что монстром бы считался не транспорт, а тот, кто находился внутри.

Как, собственно, его можно назвать – после того, что случилось?... В голове кружился сумбур, пульсирующий цветом и образами. Пулеметные очереди, спешное бегство: сквозь «саунд» и слякоть кислотных огней. Но главное – убийство.

Курт вновь запятнал душу чужой кровью. Сразу нескольких жертв. Бандиты... Мужчины... Что ж, рано или поздно, это бы с ними случилось. Но девушка... Это уже слишком. Волк вновь почувствовал ярость. Череп. Сволочь. Ни единого слова. Некстати вспомнились слова из какого-то дурацкого фильма – о том, что убить женщину гораздо труднее, чем мужчину. Теперь Страйкер знал наверняка: не труднее. ИНАЧЕ. Ему приходилось убивать, но женщину – впервые. И это – суший кошмар.

«Штатный киллер» чувствовал себя столь отвратно, словно с ног до головы вывалился в грязи. Не снаружи – такую грязь легко смыть, – изнутри. Душ здесь бессилён.

Волк поймал себя на мысли, что, возможно, он не испытал бы подобного упадка, будь девушка не так красива. Прекрасный цветок, жестоко сорванный когтистой лапой... Курт считал, что свылся с убийством – точно дикий зверь. Но теперь он знал, что нет. Пока еще нет. Это обнадеживало, и... утешало. Почти ушедшая надежда.

Сколько еще ему придется убивать?! Сколько кровавых сделок предстоит заключить с собственной совестью? Страйкер не знал. Догадывался лишь, что немало.

Всегда будут причины, компромиссы и оправдания... Убить, чтобы сохранить свою жизнь. Чтобы спасти кого-то еще. Чтобы получить шанс отомстить, – и снова убить...

Мысленно Волк вернулся к тому, с чего ВСЕ началось.

Тогда он убил впервые. Не ради себя, ради другого; ради сестры – Джейн. Переступил законы безволосых, наплевал на Заветы Волчьего Племена. Пошел против общества – не только Общества в целом, но и общества внутри Общества; Стаи. Что ж, он признавал это ТОГДА. Просто сидеть и смотреть, как умирает сестра, Курт не мог.

Найти заказчика не составило труда. Собственно, определенный труд составило отыскать человека, что, в свою очередь, нашел бы заказчика. Посредника «мокрых» дел. Не мог ведь Страйкер дать объявление (хотя такая мысль у него промелькнула) в Сети! Онный посредник обнаружился в Клоповнике – месте, образованном не столько строениями и улицами, сколько слухами и жуткими историями.

Лысый Хью. Это имя Волк в дальнейшем будет вспоминать с отвращением.

Но в момент заключения контракта он ни о чем не догадывался. Хью назначил встречу – с непосредственным заказчиком. Тот, насколько Курт понял, являлся какой-то влиятельной

пишкой из Улья. И собирался «убрать» то ли конкурента, то ли соседа. Это, впрочем, Страйкера не волновало. Он помнил лишь то, что с изумлением тарашился на человека, который, судя по всему, не впервые «заказывал» убийства. Моральный аспект происходящего также остался в стороне. Более всего Волка позабавила внешность безволосого – тот одевался и держал себя так, точно всю жизнь прожил в Техасе. Форменный ковбой. Так Курт впоследствии и будет его называть – Ковбой. Никак иначе. Свое имя безволосый хранил в секрете.

Сказано, сделано. Страйкер выполнил заказ. Это оказалось не трудно. Во всяком случае, не настолько, как Волк опасался. Несколько трупов: «мишень» и охрана (неизбежные жертвы). Разодранные глотки. Ручьи крови на асфальте... Эти люди никогда не видели живого метаморфа. Даже, вероятно, не знали, что такие существа еще существуют. Что же касается Курта, то он впервые отведал человеческой крови.

Легенды Племена гласили, что Волк, сделавший это, впредь не остановится. Будет убивать, чтобы заглушить жуткую жажду. В каком-то смысле эти сказки оказались правы.

Однако, в тот момент Страйкер не тревожился насчет предрассудков. Его заботило лишь то, что Джейн БУДЕТ ЖИТЬ. Он вернулся в Убежище, и, испортив отношения с доброй половиной Стаи, забрал сестру. Так, уставший, с чувством досады, с больной Волчицей на плече, Курт навсегда покинул Дом. Тогда, впрочем, он еще об этом не догадывался. Запретный Город находился на изрядном расстоянии, но путь показался Волку чрезвычайно коротким. Его толкала одна-единственная мысль.

Джейн БУДЕТ ЖИТЬ.

Блуждая среди теней, ночных призраков и неясных шумов, они прибыли в Запретный Город. Оное место произвело на Страйкера неизгладимое впечатление. Если прочее Гетто (включая даже Клоповник (в особенности Клоповник) с наступлением ночи клокотало, бурлило и пульсировало миллионами огней, то Город более походил на кладбище. Не тихий и умиротворенный погост, а такое, где живут неуспокоенные духи.

Тем не менее, именно в этом мрачном месте Курт познакомился с единственным безволосым, не желавшим причинить ему зло. У него был один нормальный глаз, другой же заменял электронный имплантант (вещь, являющаяся нормой в Запретном Городе). Данный персонаж являлся то ли хозяином, то ли сотрудником одной – вероятно, из сотни – подпольной клиники. Только в таком месте Волчице могли оказать медицинскую помощь, платой за которую послужат деньги, не зоопарк.

Джейн погрузилась в недра машины – электронного чудовища с сотнями огоньков-диодов. Там, в стерильной глубине, началось лечение. Тяжелое время для опухоли.

Покуда длилась процедура, Страйкер решил вернуться в Убежище. Чтобы расставить точки над «I». Можно сказать, с повинной. Однако, этим надеждам не суждено было сбыться. Убежище заливала кровь. Пол, стены, потолок. Мертвые Волки глядели в Вечность слепыми глазами. Кто-то тут побывал. И этот «кто-то» оказался настолько могуществен, что сумел истребить целую Стаю. Курт едва не сошел с ума от горя и ярости. Нежданная догадка устраняет сомнения: на плече Волка сидел крохотный «жучок». Вероятно, он-то и привел убийц в Убежище. Страйкер вспоминает, как Ковбой «дружески» похлопал его по плечу.

Все ясно. Незадачливого киллера предали.

Но скрежетать зубами нет времени. Курт мчится в Запретный Город, опоздав на считанные секунды. Убийцы покидали клинику – безволосые в формах охраны Ярусов. Волк убивает всех. Его гнев не смог помочь сестре. Ни даже доктору с электронным имплантантом. Их прикончили, точно зловредных насекомых.

Страйкер подумывает о самоубийстве, но время еще не настало. Сперва – отомстить. Волк поклялся отыскать убийц, убить их собственными лапами... Во что бы то ни стало. Даже если для этого потребуются взобраться на вершину Улья.

Ковбой. Вот кто за всем этим стоит.

Курт возвращается в Клоповник, рассчитывая, что Лысый Хью поможет в поисках убийцы. Как оказалось, не самое мудрое решение. Волка поджидала ловушка. Страйкер одолел Хмыря и Шило – телохранителей Хью, – лишь для того, чтобы встретиться с более сильным противником. Безволосых оказалось много. Они были прекрасно тренированы, оснащены, и использовали незнакомую тактику. Курта предполагалось брать живьем. Силы были слишком неравны.

Волк оказывается на Подворье – в странном и зловещем месте, где процветает рабство. Местных жителей называли «гладиаторами», но они являлись простыми рабами... Их бросали в Яму, где эти люди сражались за собственные жизни.

Помимо воли Страйкер оказался в схожем положении. Его тюремщиком был безволосый: Хэнк по прозвищу Таран, бывший гладиатор и безжалостный боец.

Он гонял и муштровал Курта изо дня в день, сгоняя с метаморфа по семь ведер пота. Тренировал, упорно натаскивал на то, что, по мнению безволосого, у Волка получалось лучше всего – убийство. От рукопашного боя, до обращения с холодным оружием. Именно последним – мечами – орудовали в Яме. Вскоре Страйкер испытал на собственной шкуре, каково быть гладиатором. Он вновь убивал...

Курт вздрогнул. Машина подскочила на «лежащем полицейском».

Затем воспоминания вновь окутали его, обволокли, будто заботливая рука подоткнула одеяло. Волк пронзал другие, глубинные наслоения собственной памяти. Точь-в-точь геологический бур вгрызается в земную кору – вскрывает все новые пласты. Вот Меловой Период, вот Мезозойская Эра... Ископаемые и призраки Прошлого.

Страйкер повергал одного противника за другим. Доселе Клоповник еще не знал (и, вероятно, не узнает) такого гладиатора. Таран напрягал фантазию и связи, стараясь отыскать «волчонку» достойных противников. Но вскоре поток денег начал иссякать. Благосостояние Хэнка зиждилось на ставках, и вскоре о подвигах метаморфа был наслышан весь Клоповник. Никто не ставил на заведомо слабых бойцов. Курт помнил, как гладиаторы разлетались под его мечом; как на песок хлестала горячая кровь, а толпа бушевала, приветствуя любимца. Эти вопли преследовали «штатного киллера» по сей день – в ночных кошмарах. Он помнил, как арену устилали мертвые тела. Все они были убиты ИМ. Один за другим.

Посреди окровавленных тел возвышался единственный, по-настоящему сильный противник. Волкодав, боевой киборг. Бронированная туша попирала память Волка, подобно стальному монументу. Изломанные трупы обступили гиганта со всех сторон – словно немощные, но упорные волны штурмуют острый риф.

Случилось чудо, и Страйкер это знал. Он пробил броню, ввинтился в хрупкое нутро машины. Клинок сломать значительно труднее, нежели электронную схему.

Таран пополнил запасы на кругленькую сумму. После этого, как безволосый ни тужился, разыскать для Курта другого противника не удалось. Впрочем, у Хэнка появились иные проблемы. Волк представлял себе этот период довольно смутно: хозяин Подворья не посвящал его в свои дела. Как бы там ни было, кое-какие слухи достигали «волчонка». Кое-что он видел своими глазами... Вернее, кое-кого – Черепа, главу одной из наиболее крупных гангстерских группировок Большого Гетто. Гангстер лично явился на Подворье, где имел с Тараном беседу.

Охранники судачили, будто шефа – то бишь, Хэнка, – призвали к Королю. Представление Страйкера о феодализме было весьма отдаленным. Еще менее Курт разбирался в иерархической структуре Клоповника. Однако, имя «Король» (наверд ли оно отождествляло профессию) говорило само по себе. Таран, стало быть, являлся вассалом. Его вызвали на аудиенцию, – с целью, о которой Волк мог лишь догадываться.

Действительно, на один день Хэнк оставил Подворье. Где он побывал, что делал, Страйкер не знал. Но подозревал, что происходящие события напрямую касались его мохнатой персоны. Не на основании запущенного эгоцентризма, отнюдь. Череп явился на Подворье не слу-

чайно, и не с дружеским визитом. Он не стал бы марать башмаки пылью Клоповника – в этом Курт был уверен. Да и этот Король...

Впрочем, долго терзаться Волку не пришлось. Таран просветил его лично. О том, что собирается ПРОДАТЬ метаморфа, словно вещь или животное – да не кому-нибудь, а Черепу. Мол, сперва Хэнк не собирался этого делать, но в конце концов его «прижали к стенке». Гангстер заявил, что выставит в Яме бойца, которого Страйкеру победить не удастся. Поэтому, по словам Тарана, он избавил «волчонка» от печальной участи. Отказаться же от проведения боя Хэнк не мог: на этом настоял Король.

А королям отказывать не принято...

Все время, проведенное на Подворье, Курт носил ошейник. Не типичную цепь или полоску кожи, а хитроумный электронный аппарат. Всякий раз, когда Тарану казалось, что метаморф вел себя неподобающим образом, он без раздумий использовал пульт управления. И – в шею Волка вонзались тысячи электрических игл. Максимальное напряжение, по-видимому, Страйкера бы просто убило. Собственно, поэтому Курт оставался на Подворье. Ошейник не давал ему и шагу ступить.

В день же, на который была намечена сделка, Волк был унижен предельно. Помимо ошейника, его удостоили финальным атрибутом рабства. Хэнк где-то раздобыл металлическую клетку, куда и поместил питомца... Дабы соблюсти формальности. Сделка предполагала куплю-продажу, причем с самовывозом.

Контрагентами выступали Таран, и, соответственно, Череп. Глава Ордена явился на Подворье, похоже, в сопровождении половины группировки. Хэнк не ожидал подвоха. Поведение гостей стало для него изрядным сюрпризом. Завязался бой. Охранники Подворья, вооруженные лишь холодным оружием, быстро уступили бандитам.

Таран скрылся бегством. Перед исчезновением он счел нужным расквитаться с «волчонком» (в конце концов, ведь из-за мохнатой бестии он лишился всего). Но ошейник впервые дал осечку. Немногим позже Страйкер узнал, что неисправность проистекала снаружи, не изнутри. Череп притащил с собой так называемую «глушилку», и, памятуя о коварстве Тарана, насытил эфир множеством помех.

Гангстеры бросились в погоню, но догнать Хэнка не удалось. С того самого дня Курт мечтал с ним встретиться. Расплатиться за месяцы издевательств, боли и унижений.

Волка доставили в Контору – штаб-квартиру Ордена. В подвале, похожем на морг (подвал играл еще и эту роль) Череп доходчиво объяснил, чего именно он ждет от этой встречи, и как намерен эксплуатировать Страйкера. Роль «штатного киллера» до недавнего времени оставалась вакантной. Метаморф, разумеется, подходил.

У Курта не было выбора; отказаться он не мог. С него сняли ошейник, но Череп придумал нечто другое, много более опасное и изощренное... Ошейник не годился по ряду причин (ограниченный радиус действия, вероятные поломки, и т. д.). В сосудах головного мозга начала странствие крохотная субмарина, начиненная взрывчаткой. Микроскопического заряда не хватило бы для того, чтобы оторвать мизинец. Однако, детонация в полушарии мозга означала мгновенную смерть.

Помимо взрывчатки, субмарина несла в себе радиоприемник. Череп говорил, что ему достаточно послать один-единственный сигнал, который отыщет Страйкера где угодно, хоть на другом конце Мегаполиса. Импульс отправится в путь и в том случае, если гангстер умрет. Таким образом, Череп заручился поддержкой Курта, предотвратив, заодно, вероятные покушения. Волку не оставалось ничего иного, кроме как покориться.

Вот, непродолжительный «отпуск» спустя, Страйкер отрабатывает жалованье. На лапах – кровь новых жертв. Ради кого он убивал?.. Ради себя, ради Череп? Ради мертвецов, жаждущих отмщения?! Курт не знал. Он порядком запутался.

Локоны – мягкое золото – в красной луже. Вытаращенные глаза. Смерть и забвение.

Совершив причудливый кульбит, мысли Волка обратились к Настоящему. Убийца поневоле – на службе бандитского Ордена. Убийца по рождению, не по призванию.

Ведь это – только начало...

И война началась.

Подобно тому, как начинались величайшие войны в истории – с убийства отдельного, условно-невинного персонажа. А следом – пехотные полки переходили границы, танки прорывались на минные поля, бомбардировщики и истребители кружили над мирными городами... Все это человечество видело не раз и не два.

Гангстерская война, впрочем, не носила подобный характер. Такие войны шли ежечасно на всей планете – в переполненных, захлебывающихся собственными отходами городами, и в человеческих сердцах /захлебывающихся гневом, злостью и алчностью/. Они вспыхивали мгновенно, как свеча в двигателе внутреннего сгорания, а затем затухали, оставляя лишь газобразные продукты горения. Подобную борьбу вели огромные, конкурирующие друг с другом корпорации, но это скорее напоминало величественное сражение титанов, которая могла длиться десятилетиями, тогда как на обдумывание нового удара уходили многие годы. Война же гангстерских банд больше походила на яростную крысиную возню в какой-то помойке.

На счету Ордена это было далеко не первое столкновение. Чтобы выжить в Гетто, группировка не могла стоять на месте. Требовалось постоянно находить пути для развития, расширения зон влияния и фактической территории. Нередко поиски приводили к границе соседа. И тогда вопрос заключался лишь в том, кто ударит первым.

Череп не любил выжидать. Чтобы осуществить блицкриг, так называемую «мгновенную войну», требовалось обезглавить конкурирующую банду, оставить ее без руководства. А затем раздавить, смять и оципать, как курицу с отрезанной головой, носящуюся по двору. Вначале это планировалось следующим образом: Череп вызывал конкурентов на «стрелку» (примитивное столкновение «стенка на стенку», подробно охарактеризованное в старом фильме «Банды Нью-Йорка»), а затем применял сложную схему с использованием снайперов и обходных путей. Глава Ордена, впрочем, не мог рассчитывать, что предводитель Всадников Апокалипсиса явится на «стрелку» собственноручно, – для этого, по слухам, он был слишком стар. Однако, метущиеся и паникующие приспешники могли с потрохами выдать местонахождение лидера. В этом случае Череп напустил бы на него своего нового киллера – легендарного Волка, уже заслужившего в Гетто определенную репутацию.

Но обо всем этом Курт не знал, когда, прибыв из «Лавины», отрапортовал о окончании дела, и... накинудся на Черепа с массой всевозможных обвинений. Среди того вороха сбивчивых высказываний прослеживались несколько линий, связанных сомнительной логикой: 1) Череп поступил крайне неумно, заранее не осведомив Волка о том, КТО являлся истинной целью; 2) Череп поступил очень подло, подставив Волка таким коварным образом; 3) наконец, Череп заблуждался касательно того, что Волк станет безжалостно убивать ради для него женщин, детей и стариков.

Выслушав все до конца, Череп спокойно ответил:

«...Разумеется, я мог бы поручить тебе убить кого-то другого. Но это, увы, не произвело бы и малой доли должного эффекта (за исключением, разумеется, ликвидации САМОЙ ГЛАВНОЙ шишки). Мало того, что «мишень» занимала в иерархии Всадников один из руководящих постов (что свидетельствует только о том, что лучшие годы банды давно миновали), она, к тому же, является... прошу прощения, ЯВЛЯЛАСЬ весьма и весьма привлекательной женщиной. Следовательно, кто-то на вершине к ней небезразличен. Убрав красотку, мы предприняли столь дерзкий шаг, что проигнорировать его будет очень непросто. Возможно, именно это толкнет ГЛАВНУЮ шишку на какую-нибудь глупость, благодаря чему мы наконец-то нащу-

паем его старую дряхлую задницу... Что же до твоих предпочтений... Ты убьешь ЛЮБОГО, на кого Я укажу – будь это женщина, старик или ребенок!..»

Невероятно, но Череп был прав. Страйкер не мог совершить ничего такого, что не понравилось бы гангстеру. Микроскопическая субмарина, начиненная взрывчаткой, продолжала дрейф в запутанном лабиринте кровеносных сосудов. Волк был здоров, будто бык, но и ему приходилось всерьез остерегаться инсультов...

Загвоздка заключалась в том, что Ордену не удавалось определить точное местонахождение предводителя Всадников. Разумеется, у Черепа имелись на сей счет кое-какие догадки, но проверять их ВСЕ было бы крайне нецелесообразно. Кроме того, не имело смысла рисковать Волком понапрасну. Череп знал, что не найдет другого метаморфа. Поэтому Курт получал лишь такие задания, которые не смогли бы выполнить без его участия. «Ликвидация» золотоволосой красавицы стало тому подтверждением. Однако, ожидаемой реакции глава Ордена так и не дождался.

Вообще никакой.

Всадники Апокалипсиса молчали, не предпринимая ровным счетом ничего. Точно дерзкое убийство не имело к ним никакого отношения. Ошибки быть не могло – все, кого Череп считал конкурентами, давно узнали о том, что Орден принял на службу метаморфа (в основном, эта информация просочилась благодаря самим «черепам»). Бойня в ночном клубе также не оставляла сомнений. Но, в таком случае, отчего Всадники молчали?.. Череп возмущался – мол, это против всех законов и правил. Конкуренты должны были выдвинуть Ордену претензии или прямые обвинения в том порядке, что предполагал разрешения конфликтов гангстерских банд.

Но ничего этого не произошло. Глава Ордена разумно считал, что выдвигать претензии самому было бы несколько преждевременно. Поэтому он решил выждать, затаиться и наблюдать. Превалирующими были подозрения насчет того, что странное затишье в стане противника вызвано тем, что Всадники готовят ответный удар.

Охрана Черепа была усилена той же ночью, когда Волк предпринял свою беспрецедентную акцию. Собственно, аналогичным образом поступили многие другие криминальные боссы /в гневном угаре Всадники могли вцепиться не в ту плотку/. Но опасаться, по сути, следовало не им, а ближайшим «заместителям» – неписанные правила гласили, что ответный удар не мог превышать первоначальный по силе. В народе этот обычай именовали «глаз за глаз, зуб за зуб». Поэтому Череп спал спокойно.

Но, по прошествии целой недели Всадники Апокалипсиса не выказывали ни желания покарать обидчиков, ни, на худой конец, простого негодования. Для Черепа такая невозмутимость была хуже всего. Он-то ждал официального вызова, чтобы незамедлительно явиться на «стрелку». Тянуть резину дальше не имело смысла.

Кто мог поручиться, что затеяли Всадники?..

И тогда Череп развернул полномасштабную войну. Обычная гангстерская мясорубка, почти рутина. С погромами, избиениями и убийствами, что являлись скорее исключениями из правила, нежели правилом. Сезон охоты на гангстеров был открыт. На каком основании?! Никаких оснований, по сути, не требовалось. Разве большинство граждан, рассматривающих голограммы вечерних новостей, понимали ВСЕ, что им показывали?.. Масштабы гангстерских войн были значительно компактнее.

Между Орденем и Всадниками Апокалипсиса существовало небольшое, и в то же время весьма важное различие. Гангстерские шайки Мегаполиса базировались на общих принципах /таких как жесткая иерархия, дисциплина, конспирация/, но осуществляли свою деятельность по-разному. Череп являлся консерватором до мозга костей, хотя никому бы в том не признался. Он сколотил свою банду из нескольких приятелей (эта история была достойна, как минимум, головизионного сериала), и, год за годом, приобретал все более весомый авторитет в преступ-

ном мире Гетто, пока не вошел в десятку – эдакий бандитский хит-парад – наиболее влиятельных и могущественных гангстеров. Учитывая масштабы Мегаполиса, это говорило о многом.

Консерватизм создателя закономерно передался самому творению. Орден Черепа был традиционной, старомодной бандой в полном смысле этого слова – здесь не жаловали какие-то новшества, но свято хранили традиции /частенько – в ущерб собственной выгоде/. «Черепа» промышляли всем тем спектром сомнительно-законных занятий, с которых все начиналось в старом Чикаго. А именно: контрабанда спиртного, сигарет и драгоценных металлов; распространение наркотиков через разветвленную дилерскую сеть; содержание подпольных игорных домов; кражи разнообразных материальных благ – от денег до автомобилей (последние обрабатывались в мастерских и мгновенно сбывались); грабеж и разбой; мошенничество, – от уличных «разводил» до махинаций с ценными бумагами на бирже. Не гнушался Орден и всесторонне законных дел, таких как ресторанный бизнес, сотрудничество с профсоюзами, купля-продажа топлива, недвижимости и т. п.

Чурался Орден одного – высоких и запредельно-высоких технологий. Это не поддавалось разумным объяснениям, потому как, по мнению Волка, «черепа» упускали солидные прибыли. Причина могла быть лишь одна – Череп, подобно профессору Преображенскому, отвечал просто и незатейливо: «не хочу». В силу некоей причины, которую он держал глубоко в себе, глава Ордена категорически отказывался иметь что-либо общее с хай-теховыми порождениями Кремниевое века. Картина получалась следующая: Череп, сидя на мешках с наркотой и ящиках с контрабандным пойлом, упрямо воротил физиономию от киберпространственной деки.

Но Всадники Апокалипсиса стремились к виртуальным звездам сквозь голографические тернии. В понимании духа времени их банда была куда прогрессивнее, нежели Орден. Эти парни (и девицы) спешили сграбастать все, что имело какое-либо отношение к высоким технологиям – не только дорогие игрушки, но и чистая, незапятнанная материей информация. Нелегальная торговля «железом» и «софтом», запрещенными к гражданскому обороту; пиратские странички в Сети, распространяющие (за скромную плату, разумеется) информацию самого разнообразного толка, – от музыки и порнографии до детальных инструкций по изготовлению взрывных устройств; полуофициальные Сеть-бары, где любой желающий (опять-таки, почти бесплатно) мог подобрать сим-стим конструкт на свой вкус /вне зависимости от извращенности последнего/; лаборатории и студии, в которых упомянутые конструкты изготавливали; скупка и продажа краденой информации; обучение начинающих хакеров; профессиональный взлом массивов с целью хищения чьей-либо интеллектуальной собственности; беззастенчивая торговля имплантантами, шунтами, протезами – тем, что «модная» молодежь стремилась напичкать собственные тела – и т. д., и т. п. О некоторых пунктах этого «бюджета» Череп, вероятно, даже не догадывался. Всадники были своего рода феноменом.

Опасались они одного – задевать сферу компетенции Запретного Города. Как, впрочем, и кто-либо иной. Город являлся тайной во плоти, «вещью в себе». Кроме того, даже при колоссальном желании коснуться сферы его компетенции было бы весьма затруднительно. Все, что имело какое-либо отношение к хирургическому или генетическому вмешательству в биологические тела, априори относилось к одному-единственному району Гетто. По степени концентрации материальных ценностей Запретный Город мог соперничать с самими Ульями. Но на то он и считался Запретным... Составить ему конкуренцию могли только недостижимые лаборатории в тех же Ульях. Раздобыть оборудование, требующееся для подобных изысканий, было столь же непросто, как и найти нужных специалистов.

Поэтому Всадники Апокалипсиса ограничивались металлом, пластиком, а также байтами, витающими непосредственно в воздухе – нужно лишь протянуть руку и взять. Но и традиционные для гангстеров доходные отрасли, нужно заметить, не остались без внимания. Всадники тоже отрывали рестораны, дискотеки, бары, сбывали краденое, прокручивали махинации с металлоломом, гидрапоническим зерном...

Все упомянутое составляло относительно малую долю доходов, но, как ни странно, занимало Черепа в первую очередь. Откажись Всадники Апокалипсиса от старомодных, традиционных способов дохода, и конфликт был бы исчерпан. Суть проблемы состояла в прозаичной конкуренции. Однако, если деловые люди привыкли решать споры в арбитражном суде, то гангстеры поступали немного иначе.

Война разразилась без предупреждений, без каких-либо официальных заявлений. Все, впрочем, восприняли это как должное. Бандиты, что с них взять?.. Орден ударил первым (собственно, если считать «Лавину», то удар был вторым), разгромив один из ресторанов, принадлежавший Всадникам. Помимо клиентов и obsługi, внутри находились несколько гангстеров – «боевики» или «оперативники», пушечное мясо. Все они с тяжелыми побоями были спешно перемещены в ближайшую реанимацию. Сам же ресторан подвергся катастрофическому разгрому.

Водка горит хорошо.

И – понеслось. Не проходило и дня, чтобы Орден не трепал конкурентов. Сеть-бары, лаборатории, склады «железа», коммуны юных кибер-крыс... На третий день Всадники точно очнулись. Были жестоко разгромлены два бара и одно подпольное казино. Последнее – с участием бульдозера. Бейсбольные биты, что налетчики бросили на месте побоища, обгарились кровью. Череп бродил среди обломков, бранясь и сокрушенно качая головой. Страйкер – в связи с серьезным обострением ситуации – был временно причислен к охране начальства (по сути, единолично заменяя таковую), а потому следовал за Черепом почти неотступно. Это оказалось небезынтересно.

Такого поворота глава Ордена не ожидал. Похоже, он невольно повторил ошибки диктаторов, развязывавших захватнические войны. Свято убежденные в своем превосходстве, они всерьез рассчитывали на то, что противник скорее капитулирует, или, по крайней мере, не окажет сопротивления, едва завидев победоносные войска. Но Всадники также были не лыком шиты. Шестеро «черепов», охрана заведения, получили множественные травмы. Один спасся бегством и по сотовому вызвал подмогу. Но, когда таковая явилась, все в казино было разгромлено.

Череп велел в спешном порядке усилить охрану всех заведений, складов и прочих мест, «подведомственных» Ордену. Но это не особо помогло – попросту не хватало людей. Куда бы Всадники ни пришли, их было значительно больше, чем охраны. Орден терпел огромные убытки. Всадники громили значные места, грабили грузовики с ценным грузом (от медного лома до контрабандной водки), «накрывали» дилерские сети по сбыту наркотиков... Череп скрежетал зубами, но пресечь злодейство не мог.

Один раз, благодаря жиденьким утечкам информации из стана противника, Ордену удалось застать налетчиков врасплох. Изумление Всадников не знало предела, когда из, вроде бы, совершенно безобидного на вид кабачка выскочили две дюжины разъяренных «черепов», вооруженных битами, стальными прутами, кастетами и другим холодным оружием. Поражение Всадников было гарантировано.

Эта скромная победа предоставила Ордену передышку и возможность для маневра. Череп незамедлительно усилил натиск на противника. «Традиционная» ориентация, помимо всего прочего, обусловила мощный силовой момент. В частности, Орден считался многочисленней. Соответственно, в нем состояло много больше исполнителей – простых боевиков, чьими руками вершились темные дела. Череп панически боялся конкуренции (внутри собственной группировки – в том числе). Всадники же ставили упор на светлые головы, что, как правило, не всегда имели в своем распоряжении крепкие кулаки. Это помогало вести бизнес, ослабляя, с другой стороны, группировку ФИЗИЧЕСКИ. Таким образом, Орден не терял надежды.

По словам Черепа:

– ...Боевой дух силен, как никогда! Мы еще повоюем!..

Но Курт, бесшумно исследуя коридоры штаб-квартиры Ордена, слышал и менее оптимистичные высказывания. Кое-какие боевики твердили о том, что им «эта война поперек глотки стоит. Пора с этим завязывать!». Впрочем, беседовали на подобные темы лишь в обществе доверенных товарищей, да и то вполголоса. Бунта на корабле пока не предвиделось. Мало того, что все боялись Черепа (он-то, по большому счету, и воплощал в себе весь Орден целиком), – на страже его интересов стоял грозный метаморф. Убийца Убийц, как его за глаза называли. В положении Волка не имело смысла проявлять инициативу. Он присматривался, прислушивался, запоминал.

А гангстерская война тем временем набирала обороты, словно огромный локомотив, несущийся по шпалам, – все быстрее и быстрее, опережая свист собственного котла...

Что же касалось полиции, или другой исполнительной власти, то Нижнее Гетто и прежде, пытаясь нащупать опору в лице государства, с трудом не падало в пучину анархии. Департамент Полиции с большей охотой интересовался тем, что происходило в благоустроенных Ульях, предоставив «нижним» решать проблемы так, как им заблагорассудится. От «закона» и «гражданских прав» остались жалкие названия. Закон исполнялся лишь тогда, когда за ним маячила карающая длань. Если репрессивный момент исчезал, улетучивался и смысл поступать так, как предписано законом. В этой связи «право» Гетто скатилось до первобытного уровня – обычаев и общепринятых правил. «Нижние» выдумывали и соблюдали только такие законы, какие САМИ желали соблюдать. Химеры, появившиеся на свет, были достойны докторской диссертации /что, впрочем, кто-то в Ульях уже сообразил/.

Сказать, впрочем, что полиция отсутствовала в Гетто КАК ТАКОВАЯ, не позволяли обстоятельства. Полиция в Гетто имелась. [Более того, ее сотрудники получали плату). Просто она не бросалась в глаза. Легавые предпочитали стоять в стороне и наблюдать, как граждане разрешают споры наиболее приемлемыми способами. К чему мешать добрым людям?! Гангстерская же война представляла феерическое зрелище.

Если бандиты разорвут друг другу глотки, остальным будет только лучше, – так, вероятно, заявлял бы итог социологического опроса, если бы кто-либо догадался его провести. По здравом же размышлении это представлялось не вполне верным. Территория не будет пустовать. Приход новых хозяев и передел собственности всегда связан со слезами и кровью. Череп был плохим, но кто-то мог его переплюнуть.

Эти «кто-то» составляли компанию полиции, облюбовав места на галерке. Другие бандформирования проявили завидную дальновидность и стойкость, не позволяя втянуть себя в драку. Череп помалкивал, поэтому Страйкеру пришлось искать ответы самому. Авторитет Черепа обладал достаточным весом, чтобы позволять Ордену заручиться поддержкой «коллег». Быть может, Череп гарантировал, что не станет прибегать к этому средству, если остальные гангстеры откажут в помощи Всадникам. Последние пытались обрести союзников, но безуспешно. Орден представлял собою грозную силу. Уничтожив Всадников, он мог расправиться с теми глупцами, кто оказал противнику поддержку. В чем бы она ни заключалась...

Бандитские «разборки» транслировали по головидению, – когда журналисты успевали со своими камерами к месту событий. Букмекерские конторы делали ставки на то, чье заведение будет разгромлено следующим, и кто, в конечном итоге, выиграет Войну. У враждующих группировок появились даже фэн-клубы, словно речь шла о безобидном футболе. Общий счет грабежей и погромов был весьма шаток.

Череп не оставлял попыток «нащупать» главу Всадников /в частности, его старческую задницу/, но безуспешно. Дальше так продолжаться не могло. К исходу третьей недели обе группировки были близки к истощению. Стычки и погромы случались едва ли не каждый день. «Черепа» роптали, почти не скрываясь – глава Ордена и сам понимал, что ситуацию следует

кардинально менять. Либо выиграть войну одним решительным броском, либо оставить Всадников Апокалипсиса в покое.

Впрочем, альтернатива являлась чисто гипотетической.

Курт нервно взглянул на часы. «Клиенты» запаздывали. Никто не говорил, что рассчитать «час X» удастся минута в минуту, но и заставлять себя ждать было невежливо.

Пользуясь непредвиденной отсрочкой, Волк в сотый раз оглядел позиции – казалось, все в полном порядке. Обнаружить «черепов» было крайне непросто. Боевики притаились в тени, за оконными проемами, на проржавевших крышах. Курт чувствовал запахи живых, горячих тел, прилетающие из тьмы через многие метры. Но, чтобы засечь местонахождение гангстеров, требовалось хорошенько приглядеться. Кроме того, «человечий дух» перекрывали прочие, более сильные запахи – к примеру, мусорных контейнеров, находившихся прямо под позицией Страйкера.

В рации трещал деловитый радиообмен. Кое-кто обменивался новостями, имевшими к текущей операции весьма посредственное отношение. Волк закрывал на это глаза. Не следует проявлять в работе излишнее рвение, подчиненным это не нравится.

Курт ничуть не удивился, когда глава Ордена объявил его старшим. Кто, в самом деле, мог являть неподдельную преданность, как не тот, чья жизнь постоянно висит на волоске? Кому Череп мог верить больше, нежели своему личному охраннику, чья жизнь окончится тем же днем, когда умрет глава Ордена?.. Кому, в сущности, можно верить БОЛЬШЕ? Решение гангстера стало весьма предсказуемым. А потому не встретило ни малейшей критики. Никто в банде не питал к метаморфу ни ревности, ни неприязни, ни чувства конкуренции. По причинам, изложенным выше.

Как бы там ни было, Волк отнесся к делу со всей серьезностью. Это помогало развеяться, отвлечься от невеселых мыслей о своем положении. Даже Таран не доверял ему ничего серьезнее чьего-то убийства на арене. Страйкер невольно проникся ответственностью, хотя и сознавал, что это чувство крайне опасно. Да, он твердо намеревался довести операцию до конца. Думать в том ключе, что это ему интересно и НУЖНО, гораздо легче и приятнее. Череп, конечно, не мог не знать таких вещей.

Вздыхнув, Курт постарался сфокусировать мысли на текущих задачах. Так, позиции... Трое – на крыше, сразу за перекрестком. Четверо – на третьем этаже, напротив. Двое в «Хаммере». Еще один – за контейнерами с гниющим мусором. Сам Волк стоял на балконе второго этажа. Дома здесь, преимущественно, пустовали. Немногочисленных и нелегальных жильцов, облюбовавших две-три квартиры, гангстеры спешно выселили. Это были не трущобы, нет. Напротив, район находился в обитаемом Гетто, и целиком предназначался под снос. Через какие-то пару лет здесь мог громоздиться какой-нибудь фешенебельный гостиничный комплекс. А пока эта территория формально считалась вотчиной Всадников. То обстоятельство, что вооруженный отряд «черепов» перешел границу, не смог бы никого удивить.

Впрочем, операция проводилась под завесой строгой секретности. Целью означалась поимка какой-то высокопоставленной персоны из вражеской шайки. Этот субъект, как Череп рассчитывал, поможет Ордену наконец-то добраться до «сморщенной задницы», неоднократно упоминавшейся выше. Откуда Черепу об этом стало известно, он не рассказывал, а Волк – не спрашивал. В сущности, ему плевать.

Главное, это не женщина, не старик и не ребенок. Курту было достаточно сунуть лапу в карман, где лежала фотография, чтобы убедиться в том, что это не означенные категории граждан. «Мишень» предстала в обличье безволосого, отталкивающего одним своим видом – рыхлая физиономия с тройным подбородком, обвисшими, как у бульдога, щеками, и маленькими черными глазками, в которых устало тлело пресыщение. Страйкер, пожалуй, прикончил бы его задаром – в свободную минуту. Во имя того, чтобы вернуть к жизни златовласую кра-

сотку. Но жизнь отчего-то не предусматривала подобный обмен. К тому же, ликвидация не входила в планы.

Рыхлого гангстера предстояло взять живым. В противном случае, зачем он нужен?..

Волк единолично разработал схему операции, представил Черепу и получил безоговорочное одобрение. Затем, прибыв на место, расставил бандитов по означенным в плане позициям. «Оперативники» не спорили и не возражали, но в общении друг с другом огрызались, точно цепные псы. Дисциплина в Ордене, хромая, уже давно каталась в инвалидной коляске. Команды Курта, тем не менее, воспринимались спокойно – то ли гангстеры боялись попасть под волчью лапу, то ли это была «служебная» форма ксенофобии /как, к примеру, чернокожие не воспринимают всерьез белого начальника/. Страйкеру хватало того, что никому не приходилось повторять.

Вдали раздался нараставший шум моторов. Судя по тому, что бандиты без передыху болтали в эфире, прислушиваться ко всему остальному им было недосуг.

– Тишина! Они рядом, – бросил Курт в рацию.

Эфир мгновенно обезлюдел. На грани слышимости потрескивала статика помех. «Череп» пользовались дорогими шифраторами, но странная активность насторожила бы кого угодно. В особенности тех, у кого с собой мог оказаться не просто приемник, а мощный сканер с пеленгатором местонахождения. Главное, – думал Волк, отчаянно вцепившись в перила, – чтобы они НЕ СВЕРНУЛИ... В противном случае все пропало, – операция откладывалась, и вряд ли состоится в скором будущем.

Череп велел устроить засаду на этом самом перекрестке. Стало быть, главе Ордена было известно, что Всадники проедут не где-нибудь, а ИМЕННО здесь. Все верно, маршруты разрабатывались заблаговременно. Но откуда Череп знал?! Объяснений возникало множество. Но, как водится, навряд ли истинное заключалось в чем-то грандиозном. Вероятно, кто-то из боевиков связался со штабом, и, сославшись на страшную диарею, доложил, что ИМЕННО СЕГОДНЯ никак не сможет выехать в кортеже.

Он, вероятно, еще не догадывался, что Череп ненавидит предателей. Кого бы Орден ни взял в заложники – жену, родителей, сестру, двоюродную бабушку с отцовской стороны – они наверняка мертвы. А предателю не останется ничего иного, как пустить себе пулю... Таков бизнес, где не выживает не только слабак, но и вообще НИКТО.

Моторы приближались.

Какие-то мгновения спустя Волк мог разглядеть черные, лоснящиеся туши о четырех колесах. Три штуки. Массивные внедорожники «Nissan». На мрачной, тесной улочке (единственный целый фонарь горел в отдалении дымной свечой) они развили большую скорость, чем позволял здравый смысл. Курт, однако, это не осуждал.

«Череп» спрятались, слились с окружающим ландшафтом. Сам Страйкер нагнулся, выглядывая в узкую щель. Сейчас все решится – остался единственный поворот.

Если свернут...

Внедорожники промчались мимо.

Блестящие туши стремительно росли. Моторы рокотали меж старых стен, далеко разнося весть о своем приближении. Гладкие корпуса рассекали затхлый, застоявшийся воздух. Широкие шины вдребезги разбивали зеркальца луж (пробитый водопровод, не иначе – под Куполом дожди стали мифом), проносились над канавками и выбоинами. Такие броненосцы не ведали усталости, готовые во что...

Сейчас, – подумал Курт.

Из-за мусорных контейнеров скользнула знакомая фигура. Боевик держал короткую, тупоносую штуку с непропорционально широким стволом. Водитель первого «Ниссана», конечно, сразу же понял, ЧТО ЭТО такое. Резко взвизгнули тормоза.

«Череп» нажал на гашетку. Гранатомет выплюнул струю желтого пламени; отдача опрокинула бандита на асфальт. Что-то округлое, начиненное изрядным объемом взрывчатки, устремилось к лоснящейся туше. Мгновением позже грохнул взрыв. Переднюю часть внедорожника окутало пламя. Двигатель вылетел из радиатора и помчался раскаленным болидом. Лопасти вентилятора продолжали вращаться. «Nissan», будто запнувшись о столб желтого пламени, перевернулся в воздухе. Неуклюжее сальто и дикий грохот, с которым автомобиль опустился на крышу.

Осталось два. В этом, собственно, и заключалась загвоздка. Череп не знал, в котором «Ниссане» находилась «мишень». Волк на свой риск решил, что никак не в первом. Значит, второй либо замыкающий. Вероятно, второй. Но это также не являлось истиной в последней инстанции. Впрочем, менять что-либо теперь, когда дело наполовину сделано, не представлялось возможным. Курт поднял голову.

Второй «Ниссан» прибавил газу. Третий, напротив, притормозил. Оба все еще оставались в зоне поражения. Из окон и со старой крыши на них обрушился раскаленный, бронебойный град. Автоматы грохотали отбойными молотками – уверенно и методично.

Это, вероятно, была классическая засада из секретного учебника (которого Волк не читал, но прошел ускоренный курс у лучших профессионалов Ордена) по диверсионной деятельности. Благодаря тому, что позиции снайперов располагались НАД целями, они не смогли бы подстрелить друг друга даже случайно. Стрельба, вместе с тем, не носила хаотичный порядок. Каждый в точности знал, где его цель. Лишь трое использовали дешевые боевые патроны, предназначенные для среднего в колонне «Ниссана». Через считанные секунды его покрышки превратились в жалкие резиновые лохмотья. Четверо «оперативников» палили в замыкающего – стволы изрыгали тугие огненные выхлопы, более мощные, чем у коллег.

Ничего удивительно, потому как патроны были бронебойными. («Убийца полицейских» – так называли этот редкий и очень дорогой боезапас, когда легавые еще забредали в Гетто). Пули с тефлоновым покрытием изрешетили крышу машины, а также, по всей вероятности, все то, что находилось под нею. «Nissan» круто вильнул и врезался в стену. Из-под неоднократно продырявленного капота струился пар.

Последний еще подавал признаки жизни, хотя и сбавил прыть. Хромированный «кенгурятник» с лязгом впечатался во что-то обгорелое и покореженное, что мгновения назад являлось роскошным автомобилем. «Nissan», перевернутый взрывом, лежал на спине, будто беспомощная черепаха. Инерция удара заставила его провернуться вокруг оси, пока оставшийся близнец пробивал себе дорогу к спасению.

Страйкер щелкнул рацией:

– «Hammer» – вперед!

Мгновение спустя за углом взревел мощный мотор. Покрышки сцепились с асфальтом, бросая бронированное тело вперед. «Hammer» с визгом вылетел на перекресток, – массивный, грозный хищник. Черный корпус вручную измалеван скалящимися черепами (бескомпромиссно выдающими принадлежность броневика) и жарким пламенем.

«Nissan» тем временем ковылял наперерез. Безнадежно изувеченные диски высекали из асфальта снопы жирных искр. Автомобиль выехал на перекресток – встреча была неизбежна.

...И она произошла.

«Hammer» ударил сбоку, коварно и внезапно. Выглядело это столь внушительно, точно здоровенный бык, татуированный черепами и обьятый пламенем, врезался в противника, поддел на рога и отшвырнул к стене. Под днищем «Ниссана» пульсировали фонтаны искр, – казалось, там работала бригада сварщиков-трудоголиков.

Автомобиль оказался зажат между «Хаммером» и стеной какого-то ветхого здания. Взревев в агонии, мотор «Ниссана» заглох. Боковое окно приспустилось, показался ствол. Раздалась очередь – пули отскакивали от бронированного быка и увязали в стекле.

Следом раздался одинокий хлопок. Это сказала свое веское слово пневматическая пушка, расположенная на крыше «Хаммера». Стальная «кошка» разбила окно и прыгнула внутрь. Трос тут же натянулся, крючья надежно впились в край двери.

В наступившей тишине натужно проскрежетало сцепление. Черный бык с усилием сдал назад. Из-под широких покрышек летели куски асфальта, выдранные дисками «Ниссана». Бронированная махина прибавила газу. Трос натянулся, как струна; «кошка» кромсала металл. Если кого-то прищемило острыми крючьями, Волк ему не завидовал. Наконец «Хаммер» дрогнул. Дверца вылетела вон из проема, будто пробка из бутылки шампанского. Бык, объятый языками пламени, замер на месте.

Дело сделано.

Страйкер спрыгнул с балкона. Крышка контейнера с мусором прогнулась, принимая на себя весь нешуточный вес. В следующую секунду Волк уже бежал к «Ниссану». Дверь, выдранная «с мясом» и валяющаяся неподалеку, обнажила всю изнанку салона. Свет не горел, кто-то шевелился во тьме. Курт прекрасно понимал, что «кто-то» были вооружены и опасны. Поэтому боевики получили приказ оставаться на своих позициях, пока Волк лично не изучит обстановку. На самом деле, не доверяя остолопам-«черепам», Курт намеревался обезвредить Всадников сам. Бритоголовые придурки могли, чего доброго, угодить под пулю, или ПРИСТРЕЛИТЬ «мишень».

С каждым прыжком Страйкер приближался к цели. Автомат тем временем бранился, выстреливая в темноту смертоносные проклятия. Волк без труда избегал жужжавших мимо металлических шершней. Стрелок был всего один. К тому же, мастерство его оставляло желать лучшего. (В противном случае Курт избегал бы ранений С ТРУДОМ.) Обогнув автомобиль по широкой дуге, Волк перестал скакать, как мартовский заяц, и помчался вдоль ветхой кирпичной стены. Сквозь лобовое стекло на него уставились водитель и другой безволосый – выпученные глаза, открытые рты.

Один прыжок, и Курт обрушился на крышу «Ниссана». Ботинки оставили две овальные вмятины. Незвестный стрелок никак не хотел уgomониться. Ствол автомата, словно привязанный, потянулся за Волком. Вместо того, чтобы просто вырвать оружие из руки, Страйкер схватил запястье безволосого и с усилием потянул. Это, как предполагалось, должно вызвать растяжение, либо вывих сустава. [Помимо, конечно, утраты оружия]. То, что произошло в действительности, потрясло до глубины души.

В самом деле, трудно остаться безучастным, когда, применяя незамысловатый болевой прием, замечаешь, что конечность противника в буквальном смысле отделилась от тела. Кожа Всадника СНЯЛАСЬ С РУКИ, будто перчатка. Глаза Курта, совершившего это открытие, полезли на лоб. В состоянии сильнейшего шока он уставился на ТО, что держал в руке – бледно-розовая кожа, перстень на безымянном пальце, татуировка на предплечье (свернувшийся кольцами дракон)...

Но, не успел Волк отшвырнуть мерзкую штуковину, как мечущийся взгляд наткнулся на кое-что иное. Казалось бы, под сорванной кожей /параноидальная ситуация, однако.../ обнаружатся артерии, хрящи, сухожилия и мышцы. Вместо этого Страйкер увидел холод металла, безумный блеск стали – острый скальпель в руке Джека Потрошителя. «Суставы» согнулись. Металлические пальцы звонко щелкнули.

Этот звук привел Волка в чувство. Размышлять над увиденным можно было и позже.

Отбросив кожу безволосого в сторону, Курт сосредоточился на насущных задачах. Одна лапа залезла под куртку и нашарила в патронташе искомый предмет. Когтистый палец второй выдернул чеку. Граната испустила тихое шипение, предшествующее извержению. Нагнувшись, Страйкер что есть силы зашвырнул ее в салон.

Звякнуло, стукнуло, кто-то вскрикнул. Шипение нарастало. Крики звучали непрерывно. Подождав еще немного, Волк прыгнул с крыши «Ниссана». Салон заполнял густой дым – топор впору вешать. Безволосые метались внутри, точно крысы.

Курт вытащил рацию:

– Готовы, голубчики. Выходите.

Распахнулись, хлопнули двери. «Hammer» опустел. К Волку приближалась тяжелая поступь армейских ботинок. За перекрестком посыпалась старая кладка, жуткая брань всколыхнула тишину. «Оперативники» оставляли позиции. Страйкер сморщился.

Всадники Апокалипсиса тем временем сыпались из «Ниссана», – со слезами, кашлем и причитаниями. Слезоточивый газ. Разъедал слизистую за какие-то секунды. Если у бандитов оставалось оружие, они напрочь о нем позабыли. Как, в общем, и о каких-либо враждебных намерениях. Все, что их интересовало, это дикая боль.

Хуже всех оказалось тем, что сидели впереди. «Hammer» повредил дверцу, выбраться же с другой стороны мешала стена. К счастью, в Ордене кто-то всегда таскал в кармане лазерный резак. Захлебываясь слезами и кашлем, Всадники вывалились наружу.

«Череп» принялись ходить меж распластанных тел, тыча в морды автоматами. Кое-кто сверялся с фотографией. «А этот? Не похож? Как насчет вот этого уроды?..»

Волк вздохнул. Бандитов было пятеро. Четверо охранников и доверенный их стараниям груз. Физиономии обезобразили гримасы рыданий, что несколько затрудняло «опознание». Но Курт уже понял, – все в полном порядке. «Мишень» здесь.

Лежа на асфальте, безволосый представил всеобщему обозрению спину и задницу (необычайно широкие, нужно отметить, фактуры). Пиджачок разошелся аккуратно, по «хребетному» шву. Материал впился в жировые складки. Бандит не подавал призраков жизни, и Волк забеспокоился. У таких толстяков, как правило, плохо с сердцем...

Двое боевиков с трудом перекатили Всадника на спину. Страйкер видел ту самую обрюзгшую физиономию, что и на фотографии – тройной подбородок, бульдожьих щеки.

Глаза закрыты.

– Дышит, – доложил «череп».

Волк удовлетворенно кивнул. Прекрасно.

– Грузите в «Hammer». Да поживее.

Бандиты смерили взглядами пузатую тушу. В глазах обоих застыла жуткая мука.

Возражать, впрочем, никто не решился. Браня, на чем свет стоит, быстрое питание, два «череп» попытались поднять толстяка. Вскоре выяснилось, что для двоих это непосильная задача. Все следили за их потугами. Одолеть гравитацию удалось вчетвером.

Когда тушу уволокли к «Хаммеру», Страйкер оглядел остальных. Всадники медленно приходили в себя. «Череп» держали всех под прицелами. Неподалеку лежала горстка изъятого оружия: шесть пистолетов, три автомата, ножи в ассортименте... Один охранник, впрочем, еще не расстался с оружием. Волк посмотрел на его руку.

Конечно, протез.

Курт еще таких не видел. Обладатели кибернетических имплантантов, как правило, выставляли «симбионтов» напоказ, будто модную одежду или хорошее тело. Но их протезы были легальны либо полулегальны /подлежа обязательной регистрации в органах власти/. Некоторые энтузиасты даже расставались с теми конечностями, что достались от мамы с папулей, – ради того, чтобы поставить взамен электронные схемы и холодный металл. Никто не пытался замаскировать свою «крутизну» (разве что краской и пластиком, но это не в счет), как не маскировали пирсинг.

Однако, очень немногие «модники» могли позволить себе по-настоящему стоящие вещи. Те кибер-имплантанты, что классифицировались как боевые модели, запрещались к какой-либо эксплуатации гражданскими – без исключений. В том числе протезы конечностей. Их

изготавливали на предприятиях Министерства Обороны по заказам полиции или боевых частей. Цель, на самом деле, была крайне проста: не допустить выведения из строя опытных бойцов, понесших увечья. Кибернетические руки и ноги обходились значительно дешевле, нежели демобилизация, пожизненная пенсия и подготовка нового бойца. Поэтому ветераны войны, как социальная группа, так редко встречались. Не говоря о том, что после демобилизации изымался весь государственный инвентарь, включающий форму, оружие и «симбионтов».

Тем более странно было видеть металлическую конечность, торчащую из порванного рукава какого-то гангстера. Такие штуки в простом салоне не ставят. Даже в клоаке Запретного Города, по-видимому, разыскать специалистов далеко не просто.

Неудивительно, что Всадник старался скрыть «ручку» в подобии перчатки. Предмет, который Страйкер принял за человеческую кожу, лежал на расстоянии нескольких шагов. К коже «перчатка» имела не большее отношение, чем туалетная бумага. Пористая резина с полимера. Пластиковые ногти, приклеенный к пальцу перстень. И – «татуировка» в виде дракона, изображающая логотип изготовителя кибер-протеза...

Рукопожатия последнего позавидовал бы сам Терминатор. Голографические фильмы / снятые на деньги военного ведомства, а потому до идиотизма напичканные пропагандой / в духе «Почему настоящий гражданин должен пройти службу в Армии» демонстрировали, как brave служаки крошили такими протезами железобетонные балки. Впрочем, Всаднику Апокалипсиса не помогла даже чудо-ручища.

Обернувшись, Курт убедился, что «мишень» благополучно разместилась в «Хаммере». Пора.

– Ладно. Приберите здесь, – сказал Волк «черепам».

Те молча кивнули. Всадники Апокалипсиса, оклемавшись, таращились на «черепов» слезящимися глазами с набухшими капиллярами. Глядели со злостью, отвращением. Но, едва взгляд фиксировал Страйкера, как гнев сменялся удивлением. Очевидно, живого Волка они увидели впервые. Странная ночка, – подумал Курт.

Все чему-то удивлялись.

Развернувшись, Волк направился в сторону «Хаммера». За спиной рявкнул выстрел, другой.

Страйкер не обернулся. Кто-то заголосил, слезно запричитал. Его мольбы заглушил третий выстрел. Дело сделано, боевики «прибирались». Свидетелей не оставлять – цитата Черепа. «Словарь излюбленных фраз и выражений», страница № 1, с ярко-красной кляксой в углу. Волк упорно продвигался к «Хаммеру», не оборачиваясь.

Жирдяй-Всадник, под чьим весом издохла бы любая кляча, распластался в позе амёбы на заднем сиденье. Дыхание со свистом покидало волосатые ноздри. Курт сел рядом с водителем, зябко поежился. Взревел мотор. Броневи́к тронулся с места, миновал перекресток и устремился вдаль. Волк мягко качался на сиденье из искусственной кожи.

В зеркалах заднего вида ярко вспыхнул взрыв. Ночь раскололась пополам, дрогнула ослепительной вспышкой. Эхо протащило над Гетто неповоротливую тушу. «Череп» взрывали «Ниссаны», всего-навсего. Волк бы ничуть не удивился, узнав, что гангстеры напоследок выдрали у трупов зубы. Если, конечно, прихватили инструменты. В том месте, куда держал курс «Hammer», этого добра было с избытком...

Упомянутое место называлось Бастилией.

К архитектурно-культурному памятнику, сыгравшую судьбоносную роль в истории Франции, данная Бастилия не имела отношения. Общее заключалось в том, что здесь также содержали граждан против их воли; и, конечно, в названии. Отличие же состояло в том, что ЭТА Бастилия по-прежнему функционировала. Ее гостеприимные двери распахнулись для посетителей несколько веков спустя, как революционные французы взяли приступом Черную

цитадель. Собственно, ввиду крайней нужды, Череп основал это «заведение» на седьмом году существования Ордена. С тех самых пор крики, вопли и стоны не смолкали внутри мрачных стен...

Теоретически Страйкер представлял, куда они держали путь. Прогнившие трущобы вокруг Центрального Улья; «сектора» преступных группировок, своего рода «домашние поля», точь-в-точь у футбольных команд; и – территориальный «стадион» Ордена, где ни одна крыса не смела проскользнуть без ведома Черепа. Штаб-квартира группировки, впрочем, находилась не здесь, а в одном из фешенебельных районов Среднего Гетто. Во-первых, это объяснялось более удачным местонахождением (вблизи многих дорожных развязок), а также престижем /как Череп утверждал, «Партнеры по легальному бизнесу не будут меня уважать, если я обоснуюсь в дремучей глухомани...»/. В трущобах находилось все то, что Орден пытался до поры до времени скрыть от «легальных партнеров». В частности, Бастилию.

Курт об этом знал, и все-таки реальность превзошла все его ожидания. Он уже здесь бывал. И не раз. С Купола сорвался огромный кусок воспоминаний, и, рухнув вниз, разлетелся хрустальными осколками. Образы прошлого помчались к Страйкеру сокрушительной волной, словно какой-то великан вытащил пробку из дамбы...

Безумная гонка сквозь ночные трущобы – такие же обманчиво-спокойные и тихие; длинный черный автомобиль; черный кожаный плащ; Череп; зловещие блики на педантично выбритом скальпе... Бандит стоял на крыльце того самого здания, возле чьего фасада остановился «Hammer». Страйкер удивленно покачал головой.

Затем осведомился у водителя:

– Что, Бастилия?..

Бритоголовый глянул в окно. Кивнул:

– Она, родимая. Приехали. – И громко хлопнул дверцей.

Волк вылез следом, недоумевая, как можно называть «родимым» место, где круглосуточно работал пыточный конвейер. Это, очевидно, являлось побочным следствием профессии. Нездоровый цинизм, черный юмор, нарочитая грубость и безразличие...

Страйкер огляделся. Вне сомнений, то самое место. Тот проулок, ведущий к Улью, и... Казалось, это произошло целую вечность назад. Либо не происходило вовсе. Происходило, с кем-то другим. В таком случае, почему Курт помнил все так отчетливо?..

Над Бастилией возвышалась иная твердыня. Настоящая. Французская Бастилия на фоне Улья съезжилась бы и ссохлась от зависти. Персоны, страдающие «гигантоманией», впервые видящие Улей со стороны, на какое-то время впадали в прострацию. Места, где витали их помыслы, до верху заполняли колоссальные конструкции – черные колонны непредставимых размеров, усеянные россыпями разноцветных огней. Там обитали тысячи, десятки, сотни тысяч людей, которым не было никакого дела до «нижних», копошащихся, точно тараканы, в трущобах далеко внизу...

Волк вновь взглянул на Бастилию. Создавалось впечатление, что мрачное здание было исполнено достоинства и зловещего величия – близость титанического Улья его ничуть не смущала. Как Серого кардинала, притаившегося в тени монаршего трона. При свете дня Бастилия наверняка показалась бы унылой, серой и невзрачной, но сотни людей, осведомленных о ее существовании, отнюдь так не считали.

Бастилия, принадлежавшая Ордену, воплощала в себе темницу, долговую яму, а также мотель (проживание в котором было по карману очень немногим) о дюжине пыточных камер. Здесь содержались все те, кого Череп не желал видеть на свободе, но убивать считал преждевременным. А именно: крупные должники (имевшие глупость влезть в долги к Ордену), сидевшие в темницах до той поры, пока кто-нибудь не выплатит за них долги и проценты; заложники, захваченные «черепами» в надежде на выкуп от родственников; наглецы, посмеившие воровать у Ордена. И – как упитанный Всадник, – похищенные деятели иных преступных сообществ,

в чьей памяти могли содержаться какие-то интересные подробности. Это, впрочем, происходило не так часто, чтобы войти в традицию. Прецеденты, конечно, имели место, но это, скорее, относилось к исключению, нежели к правилу.

Похищения осуществлялись в строгой секретности. Снимались квартиры, подкупались соседи (если, конечно, события не разворачивались в необитаемых трущобах). О Бастилии знала любая дворовая крыса. Содержание в ней высокопоставленных гангстеров представлялось несколько проблематичным. Однако, в эту ночь Череп решил сделать исключение. Всадник задержится в стенах Бастилии очень ненадолго – местные специалисты умели развязывать языки, а толстяк не походил на стойкого партизана даже отдаленно. Таким образом, Всадники не успеют ничего предпринять.

Так, по крайней мере, планировалось.

Волк ждал. Их наверняка заметили, – на зданиях квартала было развешано столько камер и датчиков, что к Бастилии не подобрался бы незамеченным даже жучок-паучок.

Действительно, ворота /массивные металлические створки/ распахнулись – изнутри вышли трое крепких, вооруженных автоматами парней. Все щеголяли ультрамодными в Ордене бритыми затылками. Не сказав ни единого слова, двое здоровяков осмотрели «Hammer» и содержимое салона, особое внимание уделив заднему сиденью. Третий дежурил у ворот, готовый поднять тревогу при любом признаке опасности. Дисциплина в Бастилии, как на любом режимном объекте, была на высоте.

Наконец «черепа» кивнули, развернулись, и, по-прежнему не проронив ни слова, распахнули створки ворот. Водитель вновь сел за руль. «Hammer» взревел и неторопливо вполз в проем. Курт шел следом – в чрево грозной, легендарной Бастилии.

Створки сомкнулись. Пока «черепа», кряхтя и нещадно матерясь, вытаскивали Всадника /все еще пребывавшего в бессознательном состоянии/ из салона машины, Волк с интересом смотрел по сторонам. На поверку Бастилия не представляла ничего сверхъестественного. Старый трехэтажный особняк, в каком мог бы проживать Франкенштейн. Мрачный и трухлявый, но совершенно непримечательный.

Темные, «портативные» оконца, более похожие на бойницы. Первый этаж вовсе обходился без них – оконные проемы были плотно замурованы красными кирпичами. Все прочие окна, включая те, что располагались под самой крышей, закрывали решетки с толстыми прутьями. Вдоль упомянутой крыши тянулся ряд острых, загнутых крюков. Возле печной трубы чернела тарелка спутниковой антенны, – наиболее символический образ Гетто, какой Курт встречал за последние месяцы.

По гребню кирпичного забора пролегли витки колючей проволоки, призванные, похоже, НЕ ВЫПУСТИТЬ из Бастилии, нежели предотвратить чье-то проникновение. Над воротами возвышались два мощных прожектора, черных и безразличных. Не хватало санитаров с носилками. Волку Бастилия казалась чем-то сродни психиатрических клиник для буйных, какими подобные места демонстрировали в черно-белых фильмах ужасов. Впечатление, конечно, было жутковатым, но сносным.

Гротеск, игры теней.

Гангстеры, надрываясь, тащили толстяка ко входу, – высокому, сводчатому portalу. Взгляд скользил по круглым заклепкам двери. По каменной кладке висел мумифицированный плющ, – выше и выше, но не дальше третьего этажа, – к бронированному Куполу.

Дверь караулил еще один увалень. С дурацкими никелированными пистолетами в обеих руках. Убедившись, что все в порядке (удостоив Страйкера выразительного взгляда), парень запер дверь. «Череп» самозабвенно несли Всадника к лестнице.

Курт глянул на «привратника»:

– Что-нибудь НЕ ТАК?..

– Нет, нет... – Увалень поспешно отвел взгляд.

– В таком случае, почему бы тебе не найти себе какое-нибудь дело?.. К примеру, помочь?!

Кивнув, безволосый направился к лестнице. «Черепов» успели преодолеть весь первый пролет, но помощь бы им не помешала. Толстяк начал приходить в себя – конечности конвульсивно задергались, из жирной глотки вырвался какой-то невнятный вопль. Всадник, очевидно, призывал на помощь опричников, еще не догадываясь, что все они, бездыханные и обугленные, остались на безлюдном перекрестке. «Привратник» схватил правую ногу толстяка, застрявшую в прутьях перил, и процессия двинулась дальше. Гангстер дико визжал – точно боров, что угодил на мясокомбинат.

Волк огляделся. Холл освещали всего пара светильников, отчего казалось, что помещение меньше первоначальной площади. Старые, темно-зеленые обои скрадывали высоту потолка. Под ногами скрипел самый настоящий, деревянный паркет (невиданная роскошь, если бы не археологический возраст этого дерева). Напротив выхода располагалась другая дверь, выходящая на то самое крыльцо, у которого Курт впервые увидел Черепа. По количеству замков и металлических запоров парадный выход превосходил «служебный». В целом, впечатление было тоскливым.

Трудно представить, какой персонаж чувствовал бы себя здесь комфортно (или, по крайней мере, уютно). При первых же попытках на ум приходили такие легендарные личности, как Джек Потрошитель или Граф Дракула. Череп с охотой взял бы на работу обоих /если, конечно, не вышло бы запустить в головной мозг крохотные субмарины/, пополнив Лигу Выдающихся Джентльменов [в которой на данный момент состоял лишь Человек-Волк]. Бастилия могла принять немало «клиентов».

Наверху раздался тонкий, поросячий визг.

Курт направился к лестнице. Менее всего ему хотелось здесь задерживаться. Вместе с тем, следовало убедиться, что 1) боров попал в нужные руки, 2) дело сделано, и 3) можно убраться восвояси. Ответственность, такое никчемное чувство...

Стиснув челюсти, Волк шагнул на лестницу. Хлипкие ступени скрипели и шатались, но, если уж по ним прошли «черепа» со своим грузом, Страйкера они выдержат. Пару раз, впрочем, Курт опасливо брался за перила, когда под ногами жутко трещало – «черепа» знали, куда наступать, а какую ступень лучше пропустить.

Наконец лестница закончилась. Второй этаж представлял собой длинный, узкий коридор. Орден, вероятно, берег электроэнергию – освещение здесь было ничуть не лучше, чем в холле. По правую руку тянулся ряд «бойниц» с одинаковыми темно-красными занавесями. По левую – семь металлических дверей. Замки висели снаружи.

Волк оказался здесь akurat в тот момент, когда гангстеры со своей ношей поворачивали за угол. Толстяк-Всадник вырывался, брыкался и нещадно визжал. Но бандиты, нужно полагать, и не таких таскали. Со стороны картина выглядела довольно забавной... Если сознательно упустить из вида то, КУДА тащили толстяка, и ДЛЯ ЧЕГО.

Если же нет, то было совсем не смешно.

Помедлив, Курт двинулся следом. У Бастилии имелся специфический, но, вместе с тем, небезынтересный и устойчивый запах. В нем смешался не один десяток компонентов: затхлость, сырость, тлен, сконцентрировавшиеся в несвежем воздухе; «нафталиновые» запахи, присущие старым домам; сомнительный аромат человеческой жизнедеятельности; и, наконец /скорее ментальные флюиды, чем запахи/ – витающие вокруг, накопленные за многие годы эмоции: тоска, печаль, ненависть... Страх въелся в сами эти стены и дешевые обои [разлапистые цветы, дурацкие узоры].

Внимание Волка привлекли металлические двери. Надежные петли, крепкие запоры. Внушительные навесные замки. (Совсем как в тюрьме.) Ни номеров, ни иных отличительных признаков. Лишь смотровые оконца, закрытые крохотными дверками.

Страйкер замер. Невесть откуда появился мощный, почти непреодолимый соблазн – заглянуть в одну из этих «форточек». В помещение /КАМЕРУ/, находившееся за металлической дверью. Но Курт еще щенком отучился придавать значение собственным желаниям. Возможно, он так бы и прошел мимо, если бы не тихий шорох, раздавшийся за дверью. Волчьи уши мгновенно уловили колебание акустической среды. Металл служил превосходным проводником, а крики толстяка-Всадника /которого, нужно заметить, еще НЕ НАЧАЛИ резать/ могли поднять даже мертвых.

Волк сбросил щеколду. Открыл оконце.

В комнате царил кромешная тьма. Пахнуло тошнотворной вонью: калом, мочой, гнилыми овощами, застарелым потом. И – гневом, страхом, ненавистью, застарелой болью...

Во тьме кто-то шевелился. Страйкер сощурился. Ищущий взгляд пронзил темноту, откидывая, точно саван, один покров мрака за другим. Что-то нашарил, ощупал.

Вздрыгнув, Курт захлопнул маленькую дверь. Не верилось, что ЭТО было человеком. Волк вернул щеколду на место, брезгливо отступил. Затем устыдился своей же реакции. Кому-кому... Многие безволосые брезгливо морщились, едва завидев метаморфа.

Вздыхнув, Страйкер двинулся дальше. В душе остался неприятный осадок. И, как водится, сожаление, что он имел глупость идти на поводу у любопытства. На самом деле ему НЕ ХОТЕЛОСЬ знать. Он ничего не мог сделать для того... существа.

Не так давно Курт сам был рабом, пленником, цепным псом Хэнка Тарана (собственно, неволя длилась по сегодняшний день, но у другого хозяина). И никто не сделал ничего, чтобы изменить ЕГО участь. Не требуя чего-то взамен, а в силу ВЫСОКОЙ МОРАЛИ. Представлений о том, что есть Зло, и что – Добро. Никто.

Поэтому Волк прошел мимо. Он ЗНАЛ, чувствовал, что это неправильно, так быть не должно – запоры, цепи, замки. Никто не может быть чьим-то рабом. А еще Курт знал, что этот мир отнюдь не так прост, как стремились представить в головизионных сериалах и глянце-вой рекламе. Здесь, в тени холодных, равнодушных Ульев жизнь текла по одному-единственному правилу: никаких правил. Перегрызи глотку до того, как оную разорвут тебе, и ты победил. Волк, конечно же, мог снять замок, отыскать «черепа»-ключника, отпустить несчастного узника на четыре стороны... Чего там, ВСЕХ узников. Но где гарантия, что этих бедняг не прикончат через два-три метра от ворот Бастилии?! «Черепа» могли быть совершенно не при чем. Глава же Ордена, узнав о выходе мохнатого любимчика, мог распорядиться поместить в Бастилию вдвое больше узников. По несколько в камеру.

Стиснув челюсти, Страйкер шел мимо одинаковых металлических дверей. Он работал на монстра, потому что у него не было иного выхода. Это, впрочем, утешало сравнительно мало. Курт и САМ являлся чудовищем. Слишком упорно в него вбивалась эта идея. Безволосыми, общественно-историческим мнением, и даже собратями по Стае. Все Волки – звери и генетические ублюдки. Так какой спрос со зверя?..

Он повернул за угол. Такой же коридор: металлические двери, «бойницы» за шторками. Пронзительные крики толстяка по-прежнему ввинчивались в уши. Охранники, однако, скрылись из виду. Одна из дверей была распахнута настежь. Вопли доносились оттуда – больше, собственно, неоткуда. Курт подошел, замер на пороге.

Сцена была весьма занимательной. «Черепа», надрываясь, пыхтя, пытались уложить Всадника на узкий операционный стол. К настоящему моменту удалось обездвижить лишь правую ногу. Все усилия охранников сконцентрировались на левой руке: двое пытались обвязать толстую конечность кожаным ремнем, тогда как остальные, навалившись на пузатую тушу, не позволяли ей рухнуть со стола. Стальные ножки ходили ходуном, и, царапая кафельную плитку, издавали мерзкий скрежет.

Наконец «черепа» одолели нестигаемую руку. Дальше дело двинулось быстрее. Не успело пройти и двух минут, как толстяк, стреноженный, распластался на столе. Охранники, отряхиваясь, отошли в сторонку. Как говорится – усталые, но гуляй смело.

Всадник натужно дышал – быстро, с подозрительными всхлипами. Глазки закатились, щеки обвисли до самой столешницы. Чего уж там, зрелище омерзительное...

Помещение оказалось небольшим, если не сказать маленьким. Возможно, металлический стол занимал бы меньше площади, будь он придвинут вплотную к стене, а не громоздился бы в стратегическом центре. Медицинское назначение одного стола почти не подвергалось сомнению. «Почти» потому, что вдоль краев стола шли глубокие желобки, напоминающие аналогичные приискания в таком деликатном месте, как бойня (трудно представить, кто, в здравом уме, изготавливал все эти желобки, крючки, зажимы и цепи – со знанием дела и любовью к своему занятию).

Вдоль стен помещения висели полки. Там, будто вырванные клыки людоеда, сверкали холодные, острые и бессердечные ОРУДИЯ. Инструменты. Ножи, скальпели, пилы, зажимы, сверла, иглы... Они торжественно молчали, поглядывая на Волка равнодушно, мимоходом оценивая. Словно говорили: «Наше время придет, не сомневайся...».

Страйкер вздрогнул. Голова закружилась, подступила тошнота. Сперва он не заметил всего этого многообразия Смерти, потому как инстинктивно концентрировался на ЖИВЫХ особях. Сейчас же, рассмотрев все как следует, Волк искренне жалел, что вообще сунулся в эту дыру. Здесь пахло изошренной, «инквизиционной» мукой.

Казалось, лишь вчера Курт сам лежал [вернее, висел] на подобном столе – очередная букашка под лупой энтомолога, – еще не успев оправиться от штурма Подворья, кровавой, но непродолжительной резни, и от блистательного бегства Тарана. Череп вел неспешную беседу, а никелированные ОРУДИЯ нетерпеливо таращились на метаморфа из стеклянных шкафов. Впрочем, ТОТ инструментарий был значительно скуднее. Здесь же, вокруг стреноженного Всадника, хирургически-пыточный инвентарь красовался во всем многообразии. То помещение, в котором Страйкер впервые беседовал с Черепом, находилось непосредственно в штаб-квартире Ордена /совмещающая функции морга, операционной и пыточной камеры/, но использовалось редко – в особо экстренных, неотложных делах. Об этом Курт узнал совсем недавно. Если «кафельный морг» в штаб-квартире более напоминал батарею, содержащую в себе некий заряд Смерти, то Бастилия представлялась многоваттным генератором. Второе посещение «морга» произвело на Волка не столь неизгладимое впечатление. Однако, будучи растянут на стене, он чувствовал себя весьма и весьма некомфортно. Оставалось гадать, каково сейчас Всаднику...

Здесь, в Бастилии.

Будто услышав эти мысли, толстяк вновь заголосил. На сей раз в нем проснулся дар речи: – Ублюдки! Лысые сволочи!.. Вы ВСЕ мертвецы слышите?! Особенно – ТА мохнатая бестия. Я прикончу ВСЕХ, до единого!.. Отпустите меня, и, возможно, останетесь живы!..

«Черепа» смеялись над беспомощным гангстером. Все они слышали угрозы не раз, не два.

Страйкер усмехнулся. Больше всего, разумеется, ему понравился тот кусок, в котором говорилось о «мохнатой бестии». Волк не знал, как можно быть мертвым ОСОБЕННО.

Истина же заключалась в том, что Всадник обречен. Его жизненный цикл подошел к концу. С этим следует смириться. Неизбежную Судьбу не изменят ни угрозы, ни посулы баснословных богатств. Если бы Череп не умел подбирать на службу нужных людей, его предприятие прогорело бы в самом начале. «Черепа» слыли фанатиками.

– Кретины! – вопил толстяк. – Сволочи!.. Чего вы хотите? Денег? Наркоты? Женщин?..

Не угадал, приятель, – подумал Курт. Ордену требовалась информация. И, конечно, он ее добудет. Из глотки, из кишок, просеет мозг нейрон за нейроном. Всадник, вероятно, еще не

понял, КУДА он угодил. Бастилия развязывала языки даже гигантам из нержавеющей стали, не говоря о рыхлых тушах с трясущимися от страха щеками.

Кремниевый Век – на тернистом, нелегком пути технического прогресса – произвел массу приборов, препаратов и устройств, с чьей помощью не составит никакого (или почти никакого) труда добыть некую информацию из памяти того, кто упорно не желал оную информацию разглашать. Волевой момент играл, по сути, в этом вопросе номинальное значение. Одна инъекция, и человек САМ расскажет все, что интересует дознавателей. Читать мысли, однако, человек пока не научился – даже при помощи машин. Возможно лишь регистрировать какие-либо внешние реакции.

Опять-таки, на внешние раздражители.

В роли последних могло выступать все, что угодно – от дешевых препаратов (используемых ЦРУ в силу какой-то древней инструкции), до высокоточных «детекторов лжи», стоимость которых приблизилась к астрономическим суммам. Все это предлагал черный рынок Мегалополиса – с тайных складов либо по заказу. Случалось, что на черном рынке приходилось отовариваться и государственным служащим, изнывающим в ожидании официальных поставок /зато, когда грузы наконец-то приходили, черный рынок наводнялся тоннами всевозможных товаров/.

Все эти чудеса науки, техники и коварного человеческого гения были доступны любому желающему – только плати. Но Череп /вероятно, после каких-то попыток/ и в этом не изменял железобетонным принципам. А именно – старался держаться от хай-тех игрушек подальше. Ничто, в его понимании, не заменит игл, скальпеля и опытного профессионала, когда требовалось разговорить какого-то строптивца.

Загвоздка заключалась вовсе не в том, что, как могло бы показаться, Череп экономил денежные знаки. (Вернее, не только в этом). Он их, конечно, берег, но на бизнес и средства производства не скупился. Просто Череп не доверял всему, что сложнее скальпеля. В особенности, когда этим штукам или инъекциям доверялось такое ответственное мероприятие, как добыча важных данных. У пациента при введении инъекции могла проявиться опасная реакция, а «детектор лжи» – пусть даже самый надежный, – предполагал известную долю погрешности /или же допрашиваемый был обучен «обманывать» подобные устройства/. Принимая во внимание эти обстоятельства, Череп оставался верен традиционным методам, способам и средствам допроса. Перехитрить скальпель, иглу, паяльник или утюг представлялось несколько затруднительным. И, помимо ожидаемого результата, укрепляло репутацию Ордена.

Самой КРУТОЙ, консервативной бригады.

Ввиду всего вышесказанного, Курт не завидовал Всаднику. В особенности, если толстяк станет юлить; оттягивать неизбежное. Так получилось, что именно ЕМУ было известно, ГДЕ скрывается глава Всадников Апокалипсиса. Либо же – Череп мнил эту ТЕОРИЮ очевидной, непробиваемой действительностью. И... заблуждался.

В этом случае Страйкер не завидовал Всаднику категорически. Пытка могла затянуться на многие часы... Дни. Жизнь в дряхлом, страдающем ожирением теле поддерживалась бы медицинским оборудованием, дорогими препаратами и модельными наркотиками. Все ради того, чтобы выиграть еще немного времени – в ожидании момента, когда толстяк «расколется». Но как отличить блеф, ложь, полу-правду от истины?..

Вскрытие покажет.

[Юмор патологоанатомов.]

Как в прямом, так и переносном смысле. Именно поэтому методы Ордена слыли не просто /повседневно, привычно/ жестокими. Они были зверскими. У самых бессердечных садистов, мясников и маньяков волосы поднимались дыбом на головах, едва речь заводилась о ужасах, творившихся в Бастилии. Это вопрос конкуренции.

А Бастилия оставалась ВНЕ конкуренции.

Волк переминался с ноги не ногу. С одной стороны, не хотелось задерживаться дольше необходимого. С другой – извращенное, нездоровое любопытство удерживало Страйкера на месте. Хотелось посмотреть на того, кто выступит в роли дознавателя и пыточных дел мастера. Поглядеть, кто являлся зверем изнутри, оставаясь вовне серым, безволосым человечком... Этот персонаж таил в себе МОНСТРА.

Внезапно раздались звуки шагов. Волк с удивлением обнаружил, что в той стороне нет ни двери, ни проемов. Вообще ничего, кроме сходящихся стен. Тем не менее, волчьи чувства не ввели /не так важно, где зародилось подозрение – в искажении акустических волн, неоднородности преграды, или в глубинных слоях подсознания/. Курт ничуть не удивился, когда СТЕНА из прочной каменной кладки РАСПАХНУЛАСЬ.

В проем прошел безволосый. Раскованная ходьба выдавала профессионала, чувствующего себя в привычной рабочей обстановке. Именно эти повадки – энергичные, непринужденные – приковывали взгляд в первую очередь. Так, судя по всему, мог держаться нейрохирург, идущий на операцию, дабы родственники больного сразу же прониклись безоговорочной уверенностью в благополучном исходе операции. В мрачных стенах Бастилии, однако, такое поведение вызывало некоторое замешательство. Безволосый был облачен в медицинский халат, и, похоже, всерьез намеревался оперировать. Благополучный исход не означал для «пациента» ничего хорошего. Но не всякий, надевший белый халат, давал клятву Гиппократу.

Волк поднял взгляд выше. Детали регистрировались, занимали свои места в мозаике. Молодой, худощавый. Пронзительный взгляд разноцветных глаз. Два РАЗНЫХ глаза.

Джошуа Уильямс.

Страйкер не имел привычки не верить собственным органам чувств. Это и впрямь был тот ублюдок, сделавший Волку «моральную лоботомию». Мерзавец, чьими усилиями мозг Курта патрулировала атомная бомба на подводных крыльях. С того памятного дня (вечера, утра) Уильямс куда-то исчез. Возможно, Череп на время уснул «лаборанта» из штаб-квартиры Ордена – так сказать, от греха подальше. Волк жаждал встречи, но Джошуа осел на дно в лучших традициях конспирации.

Здесь, в Бастилии?..

Курт Страйкер кровожадно оскалился.

Разглядев, ЧЕЙ силуэт, не привлекая лишнего внимания, скромно стоял у противоположной стены, безволосый запнулся на ровном месте. Улыбка сползла с бледных губ, как старая шкура со змеиной спины. Джошуа Уильямса можно считать кем угодно – мерзавцем, подлецом, сволочью – но не дураком. Он сразу смекнул, какими последствиями чревата эта встреча [персонально для него]. Пережить ее – дар Небес.

Волк шагнул вперед.

Гангстеры посерьезнели, поглядывая то на Страйкера, то на пыточных дел мастера. Даже толстяк-Всадник перестал буянить и заинтересованно притих. Все понимали – вот-вот что-то случится. Напряжение росло, трещало статическими разрядами.

Курт сделал второй шаг. Не для того, чтобы настичь – хватило бы одного-единственного прыжка. Ударить, повалить, разорвать глотку когтистой лапой... И – ВСЕ. Убить, как всегда, ибо иной мести Волк не знал. Не умел. Не понимал. Очистить мироздание от еще одной сволочи. Давить которых Волк поклялся по мере сил.

– А сил у меня немеряно, – буркнул Страйкер.

Уильямс отшатнулся. Кровь схлынула с лица, рот безвольно приоткрылся. Глаза, разнившиеся в той мере, в какой они разнились бы у представителей разных рас, испуганно выпучились. Джошуа стал похож на лягушку, прыгнувшего в сачок натуралиста.

– Эй, ты чего?.. – квакнул Уильямс. – Озверел, что ли?!

Сообразив, что отнесся к выбору выражений весьма неразборчиво, парень прикусил язык /как в буквальном, так и переносном смысле/. Одно лишнее слово, и...

– Халат бы сменил, – заметил Волк.

Предмет проф-гардероба представлял запущенный случай – старые пятна, въевшаяся красная палитра. Чтобы добиться такого эффекта, требовалось извести две-три банки кетчупа. Не следовало заблуждаться относительно того, чем на самом деле Джошуа занимался в своей робе, – кулинария к этому не имела никакого отношения.

Курт растопырил когтистые пальцы. Оружие ему не понадобится. Он еще сильнее укрепился в первоначальном, инстинктивном намерении, появившемся сразу же, едва безволосый вошел – выпустить ублюдку кишки. Причиной этого, как ни странно, послужило ни что иное, как грязный, заляпанный кровью халат. Кусок хлопчатобумажной материи с рукавами. Они-то стали красными по самые локти.

Волк двинулся вперед.

Открыл рот:

– Теперь молись, ублюдок...

«Череп» расступились, разумно решив, что им за потасовки с Волками не доплачивали.

Толстяк-Всадник ухмылялся.

Пусть «череп» перегрызут глотки друг дружке. Человеческая цивилизация не оскудеет.

Уильямс попытался развернуться, но остуился и стал падать. Прежде чем худосочное тело оказалось на полу, взгляд безволосого ушел куда-то в сторону – над плечом приближавшегося Страйкера, туда, где находился «парадный» вход в камеру пыток. Курт пригляделся – разноцветные радужки синего и темно-карего глаз отразили чей-то высокий, темный силуэт (синий справился с задачей много лучше соседа).

Кто-то, не шевелясь, стоял в проеме.

Волк потянулся к кобуре, но в последнее мгновение отдернул лапы. Зверь еще не вернулся во всю безграничную мощь, не вытеснил из сознания остатки разума. (Страйкеру ежеминутно приходилось опасаться этой опасности, дабы не сорваться с цепей и не наворочать дел. Разрывать ВСЕ цепи – недопустимо и глупо. Однако, такова природа Ярости.) Особенно крепко приходилось держать себя в лапах, когда поблизости находился один человек. По иронии Судьбы, сей персонаж фокусировал всю ненависть, скопившуюся в Курте к настоящему моменту.

Выпрямившись, Волк обернулся.

Череп входил в помещение, с интересом оглядываясь. Первым /благодаря незавидной позиции/ его появление заметил Всадник. Обрюзгшая физиономия вытянулась, как у обреченного, распрощавшегося мгновение назад со всякой надеждой.

– Оставь Джошуа в покое, – сказал Череп. При этом он глядел на Всадника, но все знали, кому адресовалось высказывание. – Конечно, если бы я опоздал на какие-то секунды, застав тебя с окровавленными лапами над телом бедолаги, нам осталось бы смириться с утратой и пытаться жить дальше... – Череп, не скрывая сарказма, подмигнул дрожавшему Уильямсу. – Две потери за одно преступление – чересчур большая цена. Тем не менее, я не позволю тебе направо и налево истреблять моих людей. В этом случае ТВОЯ жизнь стала бы для меня непозволительной блажью.

Череп впервые с начала монолога поглядел Волку в глаза. Взгляд этот был тверд и монолитен, будто кусок гранита. Курту стоило усилий выдержать его, не моргнув.

За последние недели Череп осуществил поразительную эволюцию в хит-параде Антипатий Страйкера, поднявшись с предпоследнего места на ВТОРОЕ, обставив Лысого Хью и Хэнка Тарана. Выше гангстера оставалась единственная, недостижимая и блистательная звезда – Ковбой. Его-то Волк ненавидел до дрожи в коленях.

Монолог, обращенный в защиту Уильямса, был весьма однозначен. И все-таки, даже в такой ситуации Череп не пошел против своей шакальей натуры. Он сравнивал, сопоставлял людей, их коэффициент полезной отдачи и компетентность, точно речь шла о машинах. Убей

Волк Джошуа, и Череп ограничился бы выговором. (Мол, убивать плохо). Однако, это сдерживало Курта сильнее какой-либо кары.

Череп вновь повернулся к Всаднику. Тот бился в путах, словно жирная гусеница. Ни вырваться, ни спастись, ни превратиться в бабочку и покинуть брненное тело.

Западня из раскаленных лезвий.

– Вот так, Стивен, – вздохнул Череп. – Допрыгался?..

– Сволочь!..

Глава Ордена лениво осклабился:

– Возможно. И все же, тебе следует отнестись к ситуации более серьезно. Я бы сказал – конструктивно. Побег исключен. Никто тебя не спасет. Считай, что всего прочего мира просто не стало. Рано или поздно, но ты заговоришь. Здесь, – Череп кивнул на «инструментальные» полки, – ломали и более крепких парней, считавших, что круче них только килограмм пластида. Чем раньше заговоришь, тем милосердней будет смерть... Чего там – мы даже оставим тебе жизнь. Спаси себя; забудь о чепухе, что зовется долгом. Ты ведь обычный человек – из костей, плоти, крови...

– Жизнь, говоришь?.. – разъехались пухлые губы.

– Конечно, – кивнул Череп. – И отпустим на все четыре стороны. Но после того, как уладим все дела с твоим... кланом. А до того – посидишь здесь, на диете из воды и овсянки. Она пойдет тебе на пользу, спасибо скажешь. Но сперва – расскажи. Выпусти, не держи ЭТО в себе. Такие нагрузки, знаешь, очень вредны для нервной системы. – Тон главы Ордена был совершенно спокоен, но внутри, вероятно, гангстер захлебывался истерическим смехом. Такова была его обычная манера беседы.

Голова Всадника качнулась на столешнице.

– Я НИЧЕГО не знаю. Во всяком случае, о том, что тебя интересует. Он не верит НИКОМУ.

– Что ж, мы это проверим. – Череп едва заметно вздохнул. Ему не хотелось терять драгоценное время. – Однако, подумай вот о чем... Даже если выяснится, что тебе действительно ничего не известно /после крошечного Ада, где выжить сможет не всякий/, мы, не теряя ни единой лишней минуты, заберем тебя отсюда и отвезем туда, где на твою тушу всенепременно наткнутся собратья по клану. А предварительно шепнем кому нужно, что ты продал нам ВСЕ /что знал и НЕ знал/ – до того, как тебе вырвали язык! – Смех вырвался наружу и заметался черной птицей.

Физиономия толстяка покраснела, затем побледнела. Яркий рот открылся, и, не проронив ни слова, толстяк изрыгнул оскорбление, которое могло обидеть не только морально. Горизонтальное положение не очень-то подходило для таких упражнений, поэтому не случилось ничего необъяснимого – сгусток слюны, кое-как преодолев часть дистанции, растерял ускорение и шмякнулся о штанину Всадника.

Данное Событие спровоцировало шквал безудержного веселья среди боевиков. Камера пыток наполнилась громогласным, искренним хохотом. Луженые глотки, надрываясь, дали себе волю. Рядовые «черепашки» были простыми парнями, выходцами с улицы, где обожали бесхитростные гэги, и презирали высоколбые умствования. Тем не менее, Курт не мог сообразить, ЧТО ТУТ СМЕШНОГО. В камере пыток?! Над телом человека, которого вот-вот начнут кромсать, резать на части?..

Глава Ордена, сдержанно улынувшись (не оттого, что не считал событие забавным, а потому, что ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЛО), нашарил «лаборанта» взглядом.

– Джошуа, будь добр, приступай.

Уильямс кивнул, и, стараясь не упускать Волка из поля зрения, направился к полкам.

– Что, – Череп повернулся к охранникам, – занятие найти?..

Тех как ветром сдуло. Глава Ордена отвернулся к двери, и, поманив Курта, вышел. Всадник проводил Волка диким взглядом. Губы шевелились – очевидно, проклятия.

Выйдя, Страйкер закрыл дверь. Более плотно, чем нужно.

Череп стоял у окна.

– Отличная работа. Высший балл. – Он хлопнул Курта по плечу. Страйкер не дрогнул [поморщился]. – Быстро, профессионально и в высшей степени круто. Молоток.

Волк шевельнул челюстями. Казалось, в зубах застряло что-то приторно-сладкое. Поток комплементов требовалось сию минуту пресечь – Курт рисковал подавиться.

– Врет?.. – он кивнул на дверь.

– Еще бы, – Череп убежденно кивнул. Мгновение спустя его взгляд утратил фокусировку, гангстер задумался. Колебался. – Не знаю. Его зовут Стив Бэнкс, и это, пожалуй, самый мерзкий и бесстыжий ублюдок, все еще коптящий Купол. – Страйкер усмехнулся. Из уст САМОГО Черепа это звучало чем-то невероятным. Хуже Всадника, вероятно, был только Годзилла. – Мать продаст за пару грошей. Но сейчас он боится. Дело серьезное. Скорее всего, мерзавец пытается выиграть время. Настоящий подвиг для целого центнера малодушного жира. Это, однако, его единственный шанс.

Глава Ордена умолк, словно к чему-то прислушиваясь. Наклонил голову к двери.

Волк не шевелился. Если ОН не слышал ни звука /дверь камеры обладала надежной звукоизоляцией/, то, тем более, это не под силу безволосому с его несовершенными органами слуха. А Бэнкс, вместе с тем, мог вопить благим матом. Или сопрано.

– Почему?

– Что?.. – Череп нахмурился.

– Вы сказали о единственном шансе, – напомнил Страйкер. – Для центнера жира.

– Помню. – Бандит покачал головой. – Если бы он раскололся сразу же, не дожидаясь, пока Джошуа возьмется за дело, это решило бы массу проблем. Дало бы нам фору. Но Бэнкс не дурак. Сообразил, что попал в такую задницу, где ему еще не доводилось бывать. Всадники уже знают о пропаже. Расколись он сам, и, считай, мертвец... – Череп усмехнулся. – Мы могли продержаться здесь столько, сколько нужно. А потом отпустить на свободу, где этот кусок сала не прошел бы двух метров. Выжившие Всадники будут мстить. Временной промежуток меж пленением и началом штурма, – гангстер развел указательные пальцы в стороны, демонстрируя пункты А и Б, – составит вероятность амнистии или помилования для Бэнкса. Чем больше промежуток, тем выше вероятность. И, чем промежуток меньше... – Глава Ордена свел пальцы. – В общем, жирдяю как. Поэтому он и будет тянуть время. Попытается продержаться так долго, как только сумеет. Пока Джошуа не нащупает его слабое место. Никто не выдерживает пыток. НИКТО, – Череп прислонился к стене.

– Он попытается, – повторил Волк, точно замороженный.

– Ага. Уильямс знает свое дело, можешь не сомневаться. Настоящий мастер – так сказать, художник паяльника, шила и скальпеля. Разговорит даже мертвого. Если бы ты свернул ему шею, я поручил бы ТЕБЕ провести беседу с жирдяем. – Череп указал на дверь.

Он не шутил.

От одной лишь мысли, что ЕМУ пришлось бы пытать Бэнкса самолично, Курта замутило.

– Что, собственно, требуется узнать?.. – поинтересовался он.

– Я уже говорил – жирдяй знает, где обретается ГЛАВНАЯ шишка Всадников. Это место примечательно тем, что находится не в привычной, старомодной действительности, – гангстер стукнул в древнюю стену Бастилии, – где привыкли обитать эксцентрики вроде нас, а в виртуальной. В киберпространстве. Думаю, – Череп в сомнении поглядел на Волка, – это тебе о чем-то говорит. Как ты считаешь?..

– Конечно. Киберпространство. Компьютеры. Мировые информационные сети. Еще бы.

– Значит, – усмехнулся бандит, – ты не удивишься и тому, что человеческий разум (его чистая, незамутненная материей форма – сознание) способен обитать в виртуальности весьма продолжительное время, – месяцы, или даже годы, – никоим образом не соприкасаясь с реальностью. Не воспринимая ее. ТАКОЕ времяпровождение могут позволить себе лишь те, кто зарабатывают деньги в Сети, либо ОЧЕНЬ состоятельные персоны, сделавшие деньги снаружи, но по какой-то причине предпочитающие роскошь виртуальную. Наш клиент, как ты понял из сказанного, принадлежит ко второй категории. Денег у него не счесть, но, если верить слухам, он уже несколько лет не отключался от Сети. – Череп почесал бритый затылок. – Говорят, он был дряхлым стариком уже к тому времени, когда сколотил на своей бригаде состояние. Сейчас это развалина из хрупких костей и жесткого мяса, не способная даже отлить без посторонней помощи. Но в кибер-проекции, вероятно, все обстоит с точностью до наоборот. Его разум находится в уникальном, обособленном конструкте, – живет той жизнью, каковая старикам заказана до самого Рая. Вместе с тем, он остается в курсе всех дел и по-прежнему руководит подчиненными. Это свидетельствует о том, что конструкт не закрыт в информационном саркофаге, не замкнут на себе самом... Как и сообщения людей, встречавших старика в Сети. К нему МОЖНО ПОДОБРАТЬСЯ... И можно убить.

Череп молчал, сверля штору горящим взглядом, будто за плотной тканью расстилалось безбрежное киберпространство. Рассказ казался Страйкеру чистым бредом. Однако, нельзя не признать, во всем этом что-то было. Волк встречал за свою жизнь немало странных персонажей, чтобы, взяв на веру сказанное, не покривить душой.

– Хм... Занятно, – сказал он. – Хорошая история. Значит, этот человек должен умереть?

– Разумеется, – Череп фыркнул. – Без него Всадники будут беспомощными, как котята. Старик очень умен; его кредо – «разделяй и властвуй». – Курт спрятал ухмылку. В гангстерской практике Череп руководствовался тем же принципом. – Все его заместители терпеть не могут друг друга, и, когда Старика не станет, они, как пить дать, перегрызутся между собой. Этим мы и воспользуемся... – Гангстер с подозрением огляделся. – Но хватит о тактике. Даже стены начали отращивать уши...

Страйкер молчал. Череп не желал углубляться в тему, и, как всегда, выбрал не самый подходящий предлог. Во всей Бастилии [от фундамента до крыши] не было ни единого «жучка» (о которых Череп не был бы осведомлен). Помимо того, от Курта не укрылись куски медной проволоки, торчавшие из всех щелей, – из оконных рам, штукатурки, лепки на потолке... Бастилия представляла собою огромный, наглухо экранированный бункер. Внутри большей части помещений не работали даже сотовые. Камера же пыток, вероятно, представляла на сканерах частот бездонную бездну. (Орден существовал по законам «разумной паранойи» – если такая-то вероятность существовала, ее следовало предусмотреть. Датчики, сканеры «прослушки» имелись в каждом автомобиле и офисе, принадлежавшем Ордену).

– Еще вопрос?..

– Можно, – кивнул Череп, – последний.

– Какое отношение ко всему сказанному имеет Стивен Бэнкс?

– Неужели неясно?! – Глава Ордена нетерпеливо забарабанил пальцами по стене. – У конструкта, где обитает Старик, имеются координаты в Сети. Жирдяй ИХ ЗНАЕТ. Так, во всяком случае, утверждают знающие источники. Подобной информацией, естественно, не может располагать один этот ублюдок (учитывая его, с позволения сказать, оперативно-командные показатели). Он ведает такими сферами, как игорный бизнес и подделки. Сравнительно мало доходные отрасли – куда там до миллионов от Сети и «железа»! Однако, по здравом размышлении, я остановился на кандидатуре Бэнкса. Жирная пиявка в курсе дел, и, безусловно, расколется быстро. Быстрее остальных. Возможно, УЖЕ, – гангстер прислушался.

Пауза, словно локомотив, на всех парах приближалась к определению «затягивалась».

– С другой стороны, придется подождать. – Бандит взглянул на часы. В том малопривлекательном случае, если Бэнкс ничего НЕ ЗНАЛ, процедура затянется на неопределенный срок. Пока Джошуа Уильямс не вытянет из него клещами затаенные страхи, сексуальные фантазии, подростковые грешки. – Заодно мы не должны позволить Всадникам скучать. Скука ведет к необдуманным поступкам и поспешным действиям. Они могут передислоцировать Старика, сменить массив, сделать что-нибудь в этом же роде (в чем я не особо разбираюсь), что помешает нам добраться до старой кибер-задницы. – Череп мрачно усмехнулся. – Поэтому мы должны усилить натиск СНАРУЖИ – по всем фронтам, – дабы Всадники не заскучали.

– Штаб-квартира?..

Страйкер понятия не имел, где таковая находится, но это было первое, что стукнуло в голову.

Глава Ордена махнул рукой:

– Пустое. Шуму много, толку – чуть. Старика там нет, я в этом практически уверен. – Череп покачал головой. – Зато там пруд пруди охраны, защитных систем... И – ничего, что имело бы к бизнесу непосредственное отношение. Всего-навсего офис. Стратегического значения штаб-квартира, как таковая, не имеет. В случае атаки Всадники могут включить заднюю передачу, перегруппироваться и перейти в контрнаступление. Штурм штаба, с тактической точки зрения, лишен смысла.

Череп не терпел (в обоих смыслах) поражений. Он их просто не выносил, ненавидел всей душой. Если бы у поражения имелась физическая форма, Череп стал бы ее заклятым врагом /гнал на край света, а затем растерзал с кровавадной ухмылкой/. Сказать, что глава Ордена не умел проигрывать, значило не больше, чем констатировать, что тюлени не умеют летать. Череп панически боялся проиграть. Это сформировало его характер – закон «разумной паранойи». Если где-то можно потерпеть поражение, это место следует тщательно обойти, и нанести удар...

– Куда же?.. – спросил Курт.

– В место, защищенное несравненно хуже, но обладающее важным стратегическим значением. Приносящее Всадникам реальные деньги. Следует нанести удар в тыл, – говорил Череп с видом адмирала, не без труда втискивающего свой военный гений в рамки географической карты. – Туда, где сволочи ОЖИДАЛИ нападения, и все-таки не могли разорваться между ВСЕМИ подобными местами. А их у Всадников достаточно – склады, лаборатории, рестораны, бары и ночные клубы.

Сказав последнее слово, глава Ордена умолк.

– «ЛАВИНА». Помнишь ее?..

Отчего-то Волк предчувствовал, что Череп скажет именно ЭТО. За какое-то мгновение. А потому не успел подготовиться. Имя злополучного клуба /одно единственное, самое обычное слово/ резануло по сознанию с безжалостностью бритвенных лезвий. На ум полезло многое, что Курт взял из «Лавины» с собой – золотистые локоны, рассыпавшееся по красным лужам и зеркальным осколкам – регулярно приходившее в ночных кошмарах, отчего Страйкер просыпался в холодном поту.

– Конечно, помню. Красивая женщина.

– Я не про нее, – отмахнулся Череп. – Все еще ее не забудешь?! Она просто труп, как миллионы других. Не лучше и не хуже. Выбрось эту тварь из головы. Я о дискотеке.

Курт молчал.

О дискотеке. Что тут неясного?..

– Помню. – Свет прожекторов, разбитые зеркала, раскаленные пули; трупы в крови. Как такое можно забыть?..

– Я оставил ее на десерт, – признался Череп. – Разве ты не знал, что это ИХ точка?

– Какое мне дело?..

– Правильный подход. Но хватит болтать. – Развернувшись, бандит направился к лестнице. – Шикарное заведение, баснословный доход. Это их на какое-то время отвлечет – пока, разумеется, не расколется Бэнкс. Сегодня в клубе будут танцы, – Череп рассмеялся, / словно пролаял/. – В ту ночь, когда ты там работал, у каждого привратника в кармане лежали несколько тысяч... Сегодня, к счастью, без затрат.

Страйкер шагал следом. Помимо ненависти к поражениям Череп испытывал не менее стойкую антипатию к неоправданным /но, как правило, и к вполне обоснованным/ тратам денежных средств. Каждый доллар в Ордене был на счету. Это казалось тем более странным, что Череп обходился без толпы аудиторов и бухгалтеров. Все делопроизводство размещалось в его бритой голове. Исключительная прижимистость главы Ордена стала притчей во языцех, – в том числе среди «коллег».

– Это будет весело!.. – приговаривал Череп, спускаясь по ступенькам. – Это будет замечательно!..

Волк буравил взглядом худую спину, затянутую в черную кожу плаща. Он порядком устал и хотел спать. Менее всего его прельщала перспектива мчаться в «Лавину» на погром, дабы утолить неестественную тягу Череп к разрушению... Но отказаться – означало проявить слабость. Глава Ордена не терпел каких-либо слабостей (за исключением двух-трех собственных), и жестоко подавлял таковые в подчиненных. Заявление о том, что он, Страйкер, предпочитает отправиться в штаб-квартиру Ордена, безусловно, не вызвало бы взрыв субмарины у него в голове, но могло понудить Череп пересмотреть взгляды на профпригодность метаморфа.

Что чревато.

Они вышли во двор Бастилии. Курт поймал себя на том, что оглядывается в поисках потенциальной опасности. Сказывалось присутствие шефа, – помимо должности «штатного киллера», по совместительству Волк являлся телохранителем Череп.

Стоит гангстеру отбросить коньки, и...

Все.

К «Хаммеру» присоединился здоровенный, длинный, обтекаемый «Dodge-Vortex». В последнее время Страйкер лицезрел этот автомобиль слишком часто, куда чаще, чем хотелось. Впервые, однако, взгляд Курта коснулся лакированных, обтекаемых обводов давным-давно, в тот раз, когда пробежал мимо Бастилии, но еще не знал, что это – Бастилия, Череп – это Череп, а большой автомобиль, похожий на подводную лодку – «Dodge-Vortex». Излюбленный транспорт Череп. «Барашек».

«Hammer» смотрелся на этом фоне жалкой малолитражкой. Вероятно, сам Череп в точности не знал, сколько лошадок сидело под лакированным капотом. Тюнинг – как внешний, так и внутренний, – в данном случае измерялся сотнями тысяч долларов. Форсированный двигатель предназначался не столько для того, чтобы иметь фору при погоне или обнаружении «хвоста» (обо всем позаботится кортеж), сколько для того, чтобы вообще сдвинуть с места добрую тонну брони. По тактико-техническим характеристикам «Dodge» Череп совершил причудливую эволюцию, оставив позади серийных предшественников, и вплотную приблизившись к танку.

Двое охранников бродили рядом. Завидев босса, один выплюнул сигарету и поспешно распахнул заднюю дверцу. Из салона выплеснулся густой багровый свет [взорванный холодильник с донорской кровью], что еще более прибавляло сходства с бронетехникой.

Не сказав ни слова, глава Ордена опустил зад на кожаное сиденье. Дверца мягко запечатала проем. Водитель прыгнул за руль, охранник занял место сбоку. «Dodge» издал рев грозного, напрасно потревоженного, и все-таки сытого зверя. Зажглись фары; под днищем – неоновая подсветка темно-красного цвета. Точно свет из салона /пролитая кровь/ просачивался меж составляющих подвески. По литру в минуту.

Ворота были распахнуты настежь – весьма странно само по себе. Во дворе стояли всего две машины. Череп НИКОГДА не выезжал без кортежа. Волк прислушался. Действительно, мгновение спустя на фоне грозного рычания «Доджа» раздался шепот другого мотора. Он доносился из-за забора Бастилии. Вероятно, тот «семисотый» «Mercedes» с четырьмя охранниками, сопровождавший «Dodge» практически всегда.

Обтекаемое чудовище вырулило в пустой проем ворот, проявив изрядную прыть для такой громадины. Свет «дальних» фар выхватил из тьмы необитаемые здания, преломился в прозрачных лезвиях, торчавших из рам. Мгновения спустя «Dodge» исчез за поворотом. Оба мотора, набирая скорость, умчались вдаль. Их гул затих вдали.

Тонированное стекло «Хаммера» плавно опустилось. Из салона выглянула физиономия «черепа», успевшего, по-видимому, получить комплект указаний. И тем не менее, торопить «штатного киллера» было в высшей степени необдуманным решением, от которого не пришел бы в восторг даже полный кретин. Гангстер позволил себе всего-навсего выбросить окурок и оглядеться с показным нетерпением.

Курт перевел взгляд с ворот (запиравшихся изнутри) на Бастилию. Где же эти идиоты?..

Визит босса «на объект» не отменял мер безопасности. И, словно услышав эти мысли, охрана подала признаки жизни. Дверь приоткрылась, изнутри робко выглянула бритая башка. В Бастилии не было ни телефонов, ни раций, поэтому визит начальства раз за разом становился для местных неприятным и внезапным сюрпризом. Спутниковая антенна на крыше, и та подключалась непосредственно к головизору (Череп панически боялся утечки информации: из уст пытаемых напрямик в киберпейс).

Волк направился к «Хаммеру». Сел в салон, хлопнул дверцей.

Водитель с заметным облегчением включил зажигание. Броневик проехал в ворота. Грохот мотора прокатился в тоннеле из черных, неприветливых фасадов, будто заледеневших в кристальной неподвижности. Под колесами машины проскользнула здоровенная крыса /разъевшаяся не иначе как на радиоактивных отходах/.

Фары кромсали мрак большими ломтями.

Не прошло нескольких минут, как «Hammer» догнал Черепа и пристроился в хвост кортежа. «Dodge» отчего-то шел первым. Курт воспринял это как приглашение.

– Обгоняй, – велел он.

«Череп» недоуменно оглянулся.

– Обгоняй, я сказал!.. – рявкнул Страйкер.

Бритоголовый здоровяк переключил передачу и пошел на обгон, разумно заключив, что Череп далеко, а Волк – в непосредственной близости. Если что – можно уверенно сослаться на прямой приказ... «Hammer» выехал на встречную, и, набирая скорость, обогнал «семисотый». Затем – «Vortex», идущего с обычной крейсерской скоростью. Недовольства не последовало. Стекла не опускались, не «моргали» фары.

«Hammer», перестроившись, занял место в голове кортежа.

(Все машины Ордена оснащались бортовыми компьютерами, но, как правило, к их услугам никто не прибегал. Трущобы, по очевидным причинам, были означены на схемах черными пятнами с отметками «ОПАСНО! Криминогенные области!». Кроме того, какой уважающий себя мужик – а бандиты себя уважали – ездит с автопилотом?..)

Волк расслабился. Потянулся и включил приемник. Из динамиков в салон хлынул ритмичный, сочный грохот. Станция передавала исключительно старый добрый «heavy metal» конца прошлого века. Мода на такую музыку закономерно возвращалась.

Проезжие части и тротуары были пусты. Причиной тому служила отнюдь не поздняя ночь, как можно было предполагать. Трущобы пустовали ВСЕГДА – даже летнем полднем. Конечно, крысы селились повсюду, где только возможно. Полулюди-полузвери, не имеющие,

впрочем, ничего общего с Волками. Отщепенцы копошились во мраке, занимаясь своими насущными делами, но сразу же скрывались из виду, едва в отдалении раздастся шум моторов. Страйкер хорошо знал эти места – пожалуй, даже лучше, чем хотелось. Но он, не колеблясь ни секунды, отдал бы все, что имел (убил бы кого угодно), чтобы вновь жить со своей Стаей, и, как встарь, выходить в трущобы на охоту... Теперь его «угодья» лежали в зеркально-неоновых джунглях.

Маршрут оказался не самым коротким. «Суверенная» территория Ордена в трущобах имела форму острого лезвия, загнутого к востоку. Цель же находилась на западе. Но, дабы избежать осложнений, стоило потратить несколько лишних минут. Времена настали неспокойные. Визит «черепов», пусть даже транзитный, на сопредельную территорию мог вызвать непредсказуемые последствия. Нервы у конкурентов напряглись до предела. Все ждали, когда Орден, словно бешеный пес, вцепится в кого-то еще. Все затаились, ждали, и, на всякий случай, запасали стволы.

Мрак и тишина окутали трущобы клубком липкой паутины. Три машины, три иссиня-черных призрака проносились по темным улочкам, извещая о своем приближении /всех, кто еще жив/ грозным рыком моторов. Возможно, поэтому Курт не заметил ни единой тени, ни одного движения. Только крысы. Здесь они чувствовали себя полновластными хозяевами. Гангстеры оттесняли отщепенцев, но крыс игнорировали. Чем ближе к Ульям, тем сокращались популяции мохнатых грызунов. По единственной причине – их ЕЛИ. Употребляли в пищу. Многие бедняги ничего иного в жизни не пробовали. Крысы являлись единственной живностью (не считая человека), селившимся в трущобах. Естественных врагов (опять-таки, не считая человека), у них просто не было. Собак и котов сожрали в первую очередь.

На территории же уличных банд крысиное Царство процветало. Опасаясь гангстеров, отщепенцы прозябали у насиженных мест. Это, однако, не означало, что «суверенные зоны» пустовали на 99 % площади, пока бандиты не приезжали поразвлечься. Нет, «зоны» также были обитаемы. Потому-то бандиты предпочитали перемещаться по своей же «суверенности» группками, с обширным арсеналом.

В трущобах, примыкавших к Улью, порой встречались экстраординарные джентльмены. Некоторые, следует отметить, НИ РАЗУ не пробовали крыс. Боевые роботы, воинствующие проповедники, киборги, безумные стрелки. Те, кому в обычном Гетто жить скучновато. (Наконец, как твердили слухи, до последнего времени там появлялись самые настоящие Волки, представляете?!) Некоторые из этих индивидов время от времени объявлялись на территории гангстеров. Такие события не проходили бесследно. Наследив, как правило, кровью, безумцы уходили навсегда.

Но этой ночью «зона» Ордена хранила спокойствие – будто в преддверии битв, предстоявших хозяевам. Единственной угрозой служил щебень, летевший во всех направлениях, когда колеса попадали в колдобины-рытвины-выбоины. В прошлом гангстеры пытались подлатать полотно, оказавшись в конечном итоге перед дилеммой: «Мы че, строители, в натуре?!...». А посему поездка через «зону» напоминала опасный аттракцион. Скорость, тем не менее, была вполне сносной – подходящим решением дилеммы оказались «Курсы повышения водительского мастерства».

Страйкер елозил на сиденье, пока «череп» старательно объезжал все мало-мальски подзрительные выбоины. С каждой сотней метров дорога становилась все лучше – пропорционально тому, как росло число освещенных окон в домах. Это ознаменовало окончание гангстерских «зон», и, соответственно, начало «Веселых кварталов».

Волк вспомнил о экспедициях, предпринятых им вглубь Гетто. Всякий раз он проходил этот маршрут – «буфер», «спорные территории», и, наконец, гомон «кварталов». Последние, казалось, были совершенно одинаковы. Отличить один от другого мог лишь завсегдатай – распознать же, в свою очередь, завсегдатая не составляло никакого труда. К этому времени, они,

как правило, успевали выпить и выкурить столько, что мирно почивали прямо на холодном асфальте. Однако, даже в столь невменяемом состоянии эти индивиды ухитрялись проявить спасительную смекалку, укладываясь НА ТРОТУАРАХ, а не на проезжих частях. Курт сомневался, что гангстеры объезжали бы тела с таким же тщанием, как рытвины-выбоины.

«Hammer» увеличил скорость. Водитель, явно развлекаясь, то и дело давил на клаксон. Безволосый сброд, однако, едва успевал отпрыгивать из-под мощного «кенгурятника» (ввиду, судя по всему, неспешного образа жизни, который они тут вели).

Наконец «кварталы» остались позади. Смазанное, затхлое пятно – грязный платок, брошенный на пятидесятиваттный светильник. Цивилизация подкрадывалась тихо, коварно и незаметно, как большой хищник из семейства кошачьих. Первые витрины; заведения, у чьих фасадов не лежали неподвижные тела. И – в одно мгновение – неистовый бросок. По левую сторону разверзлась пасть самого Бульвара Сан-Сет.

Это место манило, притягивало к себе безволосых, летевших на неоновый свет, точно светлячки. Многие, опалив крылья, так и погибали. Дополнительная реклама месту, в таковой не нуждающемуся. Чего-чего, а популярности Сан-Сету не занимать.

На весь Мегаполис он один был такой. Волк презирал Бульвар, и все-таки не мог не оглянуться, не пожирать глазами неоновое великолепие. Грандиозный торт со взбитыми сливками всех цветов радуги – блистательный ЯД. Потреблять его подобало визуально, в умеренных количествах, но и такое занятие не сулило ничего хорошего. Созерцание постепенно превращалось в соблазн прикоснуться, желание почувствовать вкус. Для этого, в конечном итоге, «пиршество глаз» и создавалось.

Неоновая темница. Выбраться из нее не могли ни профессиональные шулеры, ни уважаемые отцы семейств, спускающие скопленные «на колледж» деньги в единственный вечер. В этом состояло назначение Сан-Сета – делать бедных беднее, а богатых богаче. Казино и клубы использовали пороки наподобие того, как электронный крупье распределял козыри в колоде. Вначале позволить выиграть, а затем...

Обчистить беднягу до нитки.

Впрочем, на Сан-Сет Бульваре располагались не только казино. Здесь были бары, рестораны, клубы, дискотеки, Сеть-кафе, два-три официальных учреждения, в том числе – полицейский участок (крохотный офис без вывески). Главной же достопримечательностью считалась широченная проезжая часть, закрытая на ночь для гражданского транспорта. По центру Сан-Сета, стараясь изобразить «тяжелое» достоинство, праздно прохаживались десятки, сотни безволосых. У показной небрежности, с которой молодые люди рассматривали сверкающие витрины, имелось самое тривиальное объяснение – большинство этих пижонов не могли позволить себе ни бары, ни рестораны, ни Сеть-кафе, ни полицейский участок.

Бульвар пронесся мимо /голографический поток с неоновыми берегами/. Теперь кортежу предстояло совершить значительный крюк. Цель находилась на «закатном» конце Сан-Сета. Парой кварталов выше по прилегающей улице. Это, вероятно, являлось оптимальным решением. Для застроенного Бульвара «Лавина» была слишком громоздкой, тогда как Всадники Апокалипсиса наверняка желали создать нечто впечатляющее. Компромисс – пара кварталов в обмен на разумные цены. Здравый поход к цивилизованному бизнесу. Многие, впрочем, так не считали.

Такие, к примеру, как Череп. Если строить – то Восьмое Чудо Света. Если громить, то от души. Под самый фундамент. «Во всем нужна основательность» – говаривал гангстер.

Сама перспектива погрома Курта не страшила. Подумаешь, пара разбитых носов, вывихнутых суставов, десятков сломанных столов – обычное «оперативно-бандитское» мероприятие. Человеческие жертвы являлись исключением, нежели правилом.

Прежде Волк в таких операциях участия не принимал. Глава Ордена берег его для «деликатных поручений». Но, поскольку этой ночью Череп был намерен ЛИЧНО участвовать в

мероприятии, «штатный киллер» (и, по совместительству – личный охранник) также не мог избежать почетной обязанности. Представлялось, что Страйкер не деятельный участник, а адъютант взбалмошного генерала, которому не сидится на месте. В то время, когда Череп будет от души «громить», Курт займется прикрытием тыла /как Волк помнил со времени резни на Подворье, глава Ордена МОГ за себя постоять/. В нынешние тревожные времена риск самоочевиден.

Все это, не без известного труда, Страйкер мог осознать и постичь. Не находил он объяснений тому несоответствию, что убежденно игнорировал Череп: каким образом разгром в «Лавине» мог повлиять на высшее командование Всадников?!. Представления Курта о Сети были весьма поверхностны, ограничиваясь считанными сеансами в киберпространстве. Но даже в силу этого скудного опыта Волк мог здраво рассуждать о общепонятных вещах. Отключение конструкта либо смена координат, очевидно, не составляло никакого труда. На это ушло бы несколько минут.

Возможно, Всадники УЖЕ позаботились о мерах предосторожности. Череп не мог этого не понимать. И, тем не менее, источал искрометный оптимизм. Недосказанность кружила в воздухе. Определенно, гангстер припрятал в рукавах пару козырей.

Но откуда им появиться, если речь шла о ликвидации бригады Всадников, – как таковой? Подкуп маловероятен. Противник, дабы уцелеть в мясорубке, мог пойти на самые отчаянные действия. Изоляция конструкта со Стариком казалась первоочередным, и, сравнительно, безболезненным решением. С целью же усиления безопасности ВНУТРЕННЕЙ, Всадники могли применить ту аппаратуру, что и Волки, когда требовалось изгнать из Стаи преступника, но сохранить тайну Убежища. Стереть память. [Такая техника стоило баснословно дорого (Волки «свинтили» ее в каком-то исследовательском центре), отличаясь при этом весьма вздорным нравом. В частности, оператору требовалось досконально знать, ЧТО подлежало «зачистке». Извлечь воспоминания не представлялось возможным – в противном случае вся система прародовудия претерпела бы революционных трансформаций].

Кортеж мчался по Гетто. Ночные улицы заливал холодный, омертвевший неон. Голографическая реклама проплывала над домами и проезжей частью. На Страйкера, греховно улыбаясь, глядели шикарные красотки («Новые имплантанты обеспечат ЕЩЕ более стойкий connect!»), покачивали ЗЕЛеными ветвями НАСТОЯЩИЕ деревья («Беспроигрышная лотерея!! Главный приз – вид на жительство в Улье!...»), шелкали стальными фалангами киберпротезы («Matsuyama» inc. – руки, с которыми вы никогда не расстанетесь!...»). Буйство красок, оттенков затмевали фантазию, силилось проникнуть в подкорку и поразвлечься с затаенными фантазиями, переживаниями, страхами... Чтобы, в конечном итоге, понудить к приобретению лотерейного билета, нейро-шунта или металлической конечности.

Сквозь Купол едва-едва просвечивала Луна – блеклый, на фоне того визуального натиска, что окутал Мегаполис, невзрачный, изрытый кратерами шарик. Звезды, казалось, и вовсе исчезли. Даже северное сияние – причудливый гибрид техногенных метаморфоз стратосферы – могло сойти за отразившееся в Куполе неоновое пламя.

По обе стороны улиц тянулись магазины, бары, рестораны. Подавляющая часть, равняясь на Сан-Сет, работали круглосуточно. Мелкие притоки, неизбежно впадающие в стремительный поток. Припозднившиеся безволосые спешили по тротуарам навстречу «черепам» – безмозглые светлячки на жаркое пламя. Эти небезынтересные наблюдения, однако, не отвлекали Курта от основных обязанностей.

Поглядывая в зеркала заднего вида, он обнаружил, как из проулка вырулил черный «Jeep». Массивный автомобиль сбавил скорость и аккуратно пристроился кортежу в хвост. Несколько минут спустя ему составили компанию «Toyota» и второй «Mercedes».

Бригада выезжала на дело. До поголовного сбора (толпа лысых кретинов), к счастью, не дойдет, но и такого количества будет достаточно. Если Череп что-то затевал, то подходил к задуманному со всей ответственностью. Прокола быть не должно.

Наконец показалась «Лавина». Со времени последнего визита Волка ничего не изменилось /кровь отмыли, испорченные декорации сменили, но какое-то время клуб стоял закрытым, пока Всадники (не без посильной помощи полиции и «АО частных детективов, охранников и гробовщиков») старались разобраться, что к чему/ – дурацкий фасад, сплошь пальмы и фигуры в стиле «pin up»; вход с ограждением; ряд потенциальных посетителей, стойко проходящих face-control. Сплошная ипохондрия.

«Hammer», затормозив, припарковался не по правилам на противоположной стороне. За ним выстроились все остальные – в той же очередности, как и в колонне.

Гангстеры полезли из уютных салонов в наэлектризованную ночь. Страйкер помедлил, обдумал ситуацию, затем двинулся к «Доджу». Лысые здоровяки – все как один – копошились в багажниках автомобилей. Более того, Череп лично подавал им пример /выбранный затылок сверкал отраженным светом над дверью багажника/.

Курту не требовалось заглядывать через чье-то плечо, чтобы понять, в чем причина странной деятельности. Простые граждане возят в багажнике комплект разводных ключей, насос, и, если сильно повезет, запаску. Реже – трупы. Совсем уж немногие – обрезки труб, куски арматуры, бейсбольные биты, дубинки, электрошокеры.

«Череп», как нетрудно догадаться, относились к последним.

В последнее время спрос на бейсбольный инвентарь ощутимо возрос. Вот только, незадача, популярность спорта это ничуть не поднимало. Бейсбол мог с полным правом считаться у бандитов излюбленным досугом, на порядок опередив крикет (клюшки прочные, но неудобные), гольф (слишком дорогие), и даже городки (детский сад).

В данный момент перед Черепом стояла проблема выбора. Держа в одной руке кусок арматуры, а в другой – метровый обрезок трубы, бандит размышлял о качестве и предпочтении. Он успел надеть свои любимые очки (непроницаемо-черные, с никелированными дужками). Оба «орудия», достойных руки пещерного человека, отражались в темных стеклах. Завершив экспертизу, Череп забраковал арматуру.

Оказалось в багажнике и нечто другое, что Волк никак не ожидал увидеть. Короткоствольные АК, модернизированные, – оружие на все времена /основная статья экспорта некоторых африканских республик/. Собственно, с учетом того обстоятельства, кому принадлежал «Dodge», автоматическое оружие удивляло не так, как огнетушитель.

Удивляло другое. То, что гангстеры хватали оружие, как горячие пирожки. С деловитым видом запасались обоями. Неужели Череп окончательно спятил и организовал Ночь длинных ножей (вернее, коротких стволов)?! Эффектно, но поспешно.

– А это зачем?..

– Это? – глава Ордена косо взглянул на АК в руках телохранителя. – Пустяки. Резина.

Волк не сдержал облегченного вздох. Ничего страшного, пули резиновые. Вероятно, из полицейских арсеналов. Убить ими можно только с минимального расстояния и при катастрофическом невезении (или, напротив, фантастической удаче).

Гангстер указал на остатки «холодных» припасов:

– Возьми что-нибудь.

Кивнув, Курт запустил лапу в багажник и нетерпеливо выудил первое, что нащупали пальцы. Этим предметом оказалась бейсбольная бита фирмы «Кобра-Z».

– Э-э... Я, – начал Страйкер, – не советовал бы вам участвовать во всем этом безумии.

– Что?.. – Череп выпрямился. – В чем дело?!

– Момент неподходящий, – продолжил Волк. – Вы сами понимаете. Ничто, в конечном итоге, не требует вашего ЛИЧНОГО участия. Подождите в машине, а лучше – отправляйтесь домой. Назначьте старшего. Я буду докладывать о ходе операции...

Гангстер перехватил обрезок трубы.

– Кто ТЫ такой, – зашипел он, будто гадюка, – чтобы давать МНЕ советы?!. Я не поеду домой, и, тем паче, не стану дожидаться в машине. Твои доклады мне также без надобности. Разве при Ватерлоо сержанты советовали Наполеону, что ему делать?..

В этом сопоставлении был весь Череп. Сам он считал себя Наполеоном, а Волка, соответственно, сержантом. Разница, конечно, колоссальная, но и на том спасибо.

Курт выдержал пронзительный взгляд. Черные стекла очков превратились в ружейные стволы.

– Нет. Но Бонапарт не лез в гущу сражения, а стоял с подозрительной трубой на холме. Проявляя тем самым завидную выдержку, терпение и дальновидность (во всех возможных смыслах) истинного полководца. Не нахожу причины, по которой вы не можете поступить аналогичным образом. – Волк замолк, внимательно глядя на Череп.

Боевики замерли, прислушиваясь.

Глава Ордена нахмурился, но не сдержал ухмылки:

– Эк расписал!.. Что это с тобой?

– Западня.

– Ерунда, – отмахнулся Череп. – Это не Ватерлоо, признаю. Это – обычная, рутинная работа. Там нет никакой ловушки. Посмотри – кабак трещит по швам. У Всадников кишка тонка. Ублюдки никогда не рискнут клиентами. Мы придем, разгромим там все, и уберемся восвояси. Разве эти бойцы, – гангстер обвел рукой «черепов», – станут уважать своего командира, если тот всякий раз будет отсиживаться в машине?..

Навряд ли. Курт понимал, в чем дело. Сравнение с Бонапартом было явно поспешным. У императора имелись сотни офицеров, способных собственными кулаками вразумить любого подчиненного. Череп же, опасаясь конкуренции, не мог позволить себе «промежуточного» командования /не считая разговорчивого сержанта, но это особенный случай/, предпочитая непосредственно участвовать во всех массовых акциях. Этим, кстати, объяснялось поведение бандита во время бойни на Подворье.

Череп, возможно, и хотел отсидеться в машине, однако, НЕ МОГ себе это позволить.

– Я не...

– Все. – Гангстер отвернулся. – Вопрос закрыт.

Негодую, Волк прикусил язык. Если он продолжит настаивать, Череп, чего доброго, оставит ЕГО в машине, а сам пойдет командовать погромом. В данном случае...

Курта приводила в бешенство парадоксальность ситуации. Он не пожалел бы двух-трех пальцев, чтобы отправить Черепу на тот свет. И, при всем при том, оберегал главу Ордена, как радетельная мать, от любой опасности. Стоило гангстеру отправиться в круиз на ладье Харона, и крошечная подлодка взорвет реакторы. Это приведет к обширному инсульту – у молодого и здорового Волка, чьи сородичи до старости отличались завидным здоровьем. Таков, во всяком случае, теоретический базис.

Нет верности прочнее ЭТОЙ.

Развернувшись, Череп направился к проезжей части. «Черепу» синхронно, будто привязанные, двинулись следом. Оживленное движение на проезжей части, судя по всему, никого не беспокоило. И точно – автомобили притормаживали, и, невзирая на полное отсутствие светофоров, «зебр» либо чего-то подобного, пропускали бритоголовых парней, поигрывающих на ходу битами, дубинками, цепями и трубами. Какой-то торопыга, впрочем, рискнул нажать на клаксон. Двое бандитов, проходя мимо, выверенными ударами превратили дорогие фары в бесполезные осколки.

Растолкав «черепов», Страйкер поравнялся с главой Ордена.

Поскольку призывы к здравому смыслу не оправдались, требовалось срочно менять тактику.

– Каков план?..

– План? – Череп изумленно на него взглянул, словно впервые слышал о такой военной хитрости, как «предварительное планирование». – У нас есть биты, трубы, арматура и цепи, не говоря о хлопушках. Кому понадобится какой-то там ПЛАН?..

Вопрос Волка немного смутил. Вероятно, это случилось бы с каждым, кто, хотя бы изредка, раздумывал над целесообразностью тех или иных своих поступков.

– Каковы наши действия, когда мы войдем?

– Действия? – переспросил Череп. – Они крайне просты. Как ты подметил, мы входим, предварительно расшвыряв вон тот цирк, – гангстер ткнул пальцем в «security», засуетившихся у парадного «Лавины», – а потом начинается самое интересное. Хаос, безумие и разрушение!! Громи и бей все, что увидишь – вот наш ПЛАН!..

Гангстер жутко оскалился, став похожим на безумного Джокера из колоды самой Смерти.

В очках – пустые провалы /жившие, казалось, какой-то своей жизнью/ на мертвенно-бледном лице, – промелькнули разноцветные огни. Пальмы, девицы, фейерверки.

Главный вход маячил на расстоянии считанных шагов. Внутри безумствовала громкая музыка.

«Череп» замедлили ход, и, наконец, остановились. Бритоголовая шеренга оцетинилась (позвякивала, постукивала, покачивала) внушительным арсеналом. Охранники переминались с ноги на ногу. Потенциальные клиенты притихли за ограждением. Самые сообразительные поняли, что сегодня им не суждено войти внутрь, и начинали осторожно пятиться. «Security», к сожалению, не отличались понятливостью.

Большинство пребывали в растерянности. Ситуация выходила за пределы «штатной» по всем параметрам. Кое-кто стремительно приближался к панике. В сознаниях сформировалась отчетливая, фатальная в своей безысходности истина (сродни той, что овладевала мыслями человека, страдающего неизлечимым недугом): «сейчас нас будут бить». Многие, однако, свыкались с трудом. Они давно ощущали себя королями, решая, кому – войти, а кому – издохнуть с тоски, глядя на неприступный фасад. Но сейчас перед ними стояли угрюмые парни, которые не собирались церемониться. Две дюжины парней, готовых войти, не испрашивая позволения, и, тем более, не унижаясь подобострастными улыбками. Вопрос о плате также не стоял.

Страйкер чувствовал страх, витающий в воздухе.

Охранники просто не знали, ЧТО им делать. К ТАКОМУ их не готовили. Истинных Всадников Апокалипсиса здесь, похоже, не было. Из этого следовали взаимоисключающие друг друга выводы: или а) Череп вновь применил свой недюжинный полководческий дар, или б) Всадники подготовили ловушку, как говорится, «В нужном месте, в нужный час». Разболтать, как ни странно, мог и кто-нибудь из «черепов» (невзирая на то, что Череп крайне редко пренебрегал параноидальной подозрительностью, не распространяясь о важных вещах до самого последнего момента). Получить ответы Курт готовился считанные минуты спустя. Не мог НЕ ПОЛУЧИТЬ.

Пока же приходилось лицезреть ряды дрожащих охранников. Череп чего-то дожидался. Разумный ход, известный со времен первых осмысленных войн, – сперва позволить противнику потрепать себе нервы, а уж потом ударить. Однако, в сложившейся ситуации это представлялось некоторой перестраховкой. Чего выжидать, если, рано или поздно, придется пустить в ход дубинки и цепи?.. У Всадников /если внутри все-таки поджидала ловушка/ появлялась определенная фора.

Волк искоса взглянул на Череп. Тот, ухмыляясь, изучал охранников из-за черных очков.

Пытался учуять ловушку?.. (Курт бы ничуть не удивился, если бы гангстер, не говоря ни слова, развернулся и отправился к «Доджу» – этот случай вошел бы в учебники, послужив пиком доктрины «разумной паранойи»). Рассчитывал, что охранники, стоило подождать еще немного, разбегутся в разные стороны, точно крысы?..

Напрасно. Среди них, вероятно, были и те, кого Череп подкупил для того, чтобы Волк беспрепятственно протащил через металлоискатель гребаный арсенал. /Брызги зеркал, яркие осколки в обрамлении золотистых волос.../ Но, если и так (слишком маловероятно – Всадники наверняка провели цикл репрессий среди «вольнонаемных сотрудников»), эти персонажи не пытались вступить в какой-либо диспут. Знали, что бесполезно. «Череп» явились не для того, чтобы тереть языками. И даже возврат круглых сумм, затраченных на взятки, ничего не изменит.

Преимущественно охранники были вооружены газовыми баллончиками – безусловно, грозное оружие, когда дело касалось юных тусовщиков, и практически бесполезное, когда напротив входа стояла шеренга лысых молодчиков (многие «череп» развлекались тем, что освежали дыхание теми самыми баллончиками). Кое-кто, однако, имел при себе настоящее оружие. Страйкеру не составляло труда рассмотреть под красными форменными пиджаками рукоятки пистолетов. Вряд ли стволы являлись боевыми в полном смысле слова: пневматические либо газовые. Даже резиновые пули использовались исключительно ведомственными службами.

Два-три «security» теребили под пиджаками свои пистолеты, но достать не решались. Как гласит народная мудрость, взялся за гуж – нужно стрелять. А если уж выстрелил, то, будь добр, отвечай за последствия. За бандитами наблюдалось численное превосходство, заметное даже невооруженным взглядом. «Череп» не дают в обиду собратьев. Стоит какому-нибудь торопыге выстрелить, и – пощады не жди.

Охранники колебались.

Череп – нет.

Из проема «Лавины» выплескивались волны электронных басов, но слово, сказанное Черепом – единственное, короткое слово – прокатилось в воздухе так, словно ранним утром на Аляске, где каждый звук звенел сотней хрустальных колокольчиков. Тишина объяла слово непробиваемым коконом и потащила вдоль фасада «Лавины».

Глава Ордена не повышал голоса, сказав тихо и твердо, точно щенка бросил в воду:

– Огонь.

Гангстеры выхватили автоматы Калашникова – грубое, бескомпромиссное и эффективное средство решения разногласий. «Череп» хотели войти, а какие-то уроды посмели стоять у них на дороге. Расстрелять ублюдков!.. АК (модернизированные, причем не раз) исторгли рой разъяренных шершней. Продраться В человеческое тело те не могли, что, впрочем, не умаляло болезненности. Воздух моментально наполнился пороховыми газами – едкими и вездесущими. Затворы ходили ходуном; безотказный, совершенный механизм (немногие изделия человеческого гения этим похвалятся): газоотводная труба, возвратная пружина. Пустые гильзы летели на асфальт. От дикого грохота Курту заложило уши в первые мгновения.

А охранники падали, падали, падали...

Пули сыпались градом, сбивали с ног, рвали форменные пиджаки, били в упор. Резиново-кинетический шквал. Без пощады. (Физика + физиология + механика – мораль. Формула великих достижений человечества). Как ядерная бомба. Казалось, стоит немного прислушаться, и непременно услышишь треск костей.

Потенциальные, но несостоявшиеся клиенты, что называется, дали деру, – только пятки сверкали. Гангстеры не обратили на них никакого внимания. Легавые задержатся часа на два-три, сославшись на отсутствие топлива в бензобаках, канцелярские проволоочки (опутавшие

бравых служак по рукам и ногам), селевые потоки, оползни, ремонт в кабинете у шефа, или другой форс-мажор. Для Гетто это обычное дело.

Стрельба продлилась считанные секунды. Охранники разлетались, словно живые кегли. «Череп», один за другим, прекращали огонь. Последний «security» свалился наземь, крутанувшись на подкошенных ногах. Пули ударили в живот и грудную клетку. Парень присоединился к лежавшим, конвульсивно дергающимся коллегам. Боль, вероятно, была невыносимой. Об этом, не считая телодвижений, свидетельствовали страшные крики – с трудом разгребающие набившуюся в уши тишину.

Путь свободен.

Череп продолжал ухмыляться. В темных стеклах очков отражался хищный блеск, идущий ИЗНУТРИ. Глава Ордена махнул рукой и неторопливо двинулся к проему.

Бандиты шагали следом, меняя на ходу обоймы. Из коротких стволов вился дым.

Страйкер старался не отставать. Легко сказать. Но как это сделать (?), когда приходилось перешагивать через людей, нуждающихся в срочной медицинской помощи?.. Охранники матерились, стонали, хватали проходящих мимо гангстеров за штаны. Остальные – лежали тихо, молча, не шевелясь. Дыхание приподнимало грудину, бережно опускало. Всякий раз, убедившись в этом, Волк облегченно вздыхал.

Потерь не было. Многие, однако, находились в тяжелом состоянии. Раны, преимущественно, образовались ПОД кожей /хотя пару раз взгляд наткнулся на алые лужицы/. Гематомы. Возможно, трещины или переломы. Неприкосновенная целостность ребер осталась у пары счастливиц, не больше. Всем прочим, конечно, повезло в главном (они остались живы), что не сглаживало общей картины. Могли быть [и были!] повреждены внутренние органы. «Череп» не выбирали мишени, не целились. Просто палили. Одному охраннику резиновая пуля угодила в лицо – аккуратно под правым глазом. Вокруг черного эпицентра стремительно расплывалось лиловое пятно. Еще чуть-чуть, и пришлось бы воспользоваться услугами корпорации «Kurosava inc.», – «Глаза, которыми вы увидите этот мир ПО-НОВОМУ!...».

Наконец вход, заваленный телами «security», остался позади. Впереди простиралась «Лавина» – бурлящее нутро, заполненное горячим пульсом и мертвым ритмом.

Пост у металлоискателя сиротливо пустовал. (Если в прошлое посещение Курт поставил рекорд по количеству оружия, то гангстеры перекрыли планку на много лет вперед.) Поставные, нужно думать, лежали у парадного – в полной или частичной «отключке». Детектор металлов мигал огнями, точно спятившая рождественская елка, и истерично выл зубодробительной сиреной. Бандитам светомузыка быстро приелась – пара ударов арматуры по /дорогой, безумно сложной электронной консоли/ откомандировали трудягу-металлоискателя в безвременный отпуск.

Прямо по курсу показались силуэты безволосых, пришедших в «Лавину» с похвальной целью «разгрузиться, оттянуться по полной». Более того, они заплатили за это. (Солидными компаниями страховки на случай погромов не предоставлялись, но скоро, вероятно, эти полисы станут последним писком моды.) Фигуры танцующих усеивали световые пятна и геометрические фигуры всех цветов радуги, излучаемые особыми прожекторами. Психоделический эффект оказался весьма любопытен (неизвестно, на что рассчитывали собственники): тусовщики выглядели то ли пятнистыми хищниками, выходцами из клиники доктора Моро, то ли неизвестными науке существами, спустившимися по гравитационному колодцу.

Появление бритоголовых молодчиков, как ни странно, никого не удивило – танцоры обращались, тыкали в «черепов» пальцами, хихикали, переговаривались, но... не пугались. Возможно, решили, что это – часть шоу-программы, с актерами, розыгрышами и переодеваниями. В последнее время, нужно признать, «мнимые налеты» всюду эксплуатировались многими заведениями (не имеющими, однако, ничего общего ни с Орденом, ни с Всадниками). Поводом, конечно, служила гангстерская война, бушевавшая где-то далеко. Большая часть

тусовщиков не знали, что «Лавина» имела к Всадникам Апокалипсиса самое непосредственное отношение.

Кроме того, нельзя не признать, что «черепа» спровоцировали столь унижительное заблуждение своим ВНЕШНИМ ВИДОМ. Будучи заранее извещены о том, что им предстоит погром, гангстеры прихорошились, словно школьницы накануне выпускного бала: с ног до головы облачились в черную кожу, выбрили затылки, обвешались серебряными (никелированными) побрякушками. Некоторые нанесли на физиономии боевую раскраску, превратившись в индейцев, питающих попеременно-непреодолимую страсть к глэм-року и хоккею. Конечный результат поражал воображение, и все-таки действовал на подвыпивших, нанюхавшихся, обкурившихся и нализовавшихся танцоров не совсем так, как рассчитывалось.

Впрочем, кто знает?..

Непростительность своего заблуждения тусовщики осознали в тот критический миг, когда лысые субъекты взялись за дело. Бандиты стали пробиваться в глубь зала, проявляя при этом куда больше профессионального рвения, чем полагало «мнимым актерам». Убедительность, что ни говори, вышла колоссальная. И впрямь, сложно не убедиться в происходящем, когда на челюсть обрушивается мощный хук.

На протяжении всего маршрута «черепа» признавали одно направление – идеальную прямую, как кратчайшее расстояние меж координатами. Учитывая то обстоятельство, что по пятницам в «Лавине» был аншлаг, на дороге у гангстеров стояли десятки безволосых. Бритоголовые верзилы отталкивали и расшвыривали праздную шваль, всюю орудовали кулаками. В тех редких случаях, когда кто-то пытался оказывать сопротивление, пускали в ход дубинки. Нередко выходило так, что, отлетая от одного «черепа», тусовщик попадал прямиком под кулак другого.

Из-под высокого потолка, находишь там сторонний наблюдатель – в сплетении проводов, прожекторов и стальных балок – (не считая вездесущих камер), происходящее выглядело следующим образом: остроносый клин, составленный сплошь из кожаных курток и розовых затылков, неумолимо продвигался вперед, разрезая серую буйную массу. Как атомный ледоход, патрулирующий Северный Ледовитый. На бронированном киле, вне сомнения, горделиво значилось – Орден Черепа.

Нос «тевтонской свиньи» составляли лучшие боевики, костяк банды. Если продолжать аналогии с ледоходом, то упомянутый Череп прекрасно устроился в капитанской рубке. Его окружало непробиваемое кольцо охранников. Страйкер – в их числе.

Волку было не по себе от близости безмозглой, бесконтрольной толпы. К прискорбию, плотность безволосых на квадратный метр росла с каждым шагом. Череп, напротив, чувствовал себя вполне комфортно – что называется, в родной стихии. «Погром – тонкое удовольствие для истинного гангстера». Это могло бы стать вторым девизом группировки (с первым Череп все еще не мог определиться).

У Курта появилось плохое предчувствие. Но в чем причина такового? Оглядываясь, Волк пытался запеленговать угрозу до того, как угроза приблизится и хлопнет по плечу. Время от времени на периферии гангстерского «клина» мелькали красные пиджаки. Стычки были яростными, но непродолжительными. Охранники отлетали, точно мячи, отбитые бейсбольными (уже не иносказательно) битами.

Поражало не усердие, с которым охрана раз за разом предпринимала свои атаки, а тактика. Вернее, катастрофическое отсутствие оной. «Красные пиджаки» снова и снова бросались на ошестинившуюся дубинками «свинью», обнаруживая тем самым умопомрачительную некомпетентность. (Вообще, им можно было не беспокоиться: все они, стоит Всадникам просмотреть запись налета, окажутся на улице без выходного пособия). Впрочем, отыскать действительно компетентных вышибал в Гетто очень нелегко. Именно поэтому Курт полагал, что, со времени его предыдущего визита Всадники могли усилить охрану. Закупить, к примеру, в Запретном

Городе боевых андроидов /отдельные модели Оружейники с охотой поставляли заведениям, имевшим особую лицензию/. Но, по всей вероятности, начальники «Лавины» заключили, что две бомбы в одну воронку не падают. И – просчитались...

Происходящее казалось Волку чрезвычайно подозрительным. Невнятные, заведомо провальные действия охраны; победное шествие «черепов»; отсутствие на пути серьезных препятствий. Поводов для тревоги, по разумению Страйкера, хоть отбавляй.

Однако, деятельный ум метаморфа без труда находил объяснения многим, если не всем, означенным нелепицам. Вышибалы не располагали форой, чтобы отразить нападение согласно базовым канонам стратегии и тактики. Охранники, находившиеся внутри, успели разбрестись по всей «Лавине» (не крохотному, как ни крути, кабачку). Потому-то и не смогли сплотиться, дабы организовать нечто грандиозное. Кроме того, в условиях акустической среды, образованной пульсацией динамиков [которые еще не догадались отключить] и истошными воплями тусовщиков, было непросто расслышать даже собственный голос, не говоря уже о чем-то еще. Как глубоко ни засовывай наушник, распознать удавалось только отдельные слова.

Курт все это понимал, и все-таки не мог избавиться от подспудных подозрений. Всадники (если это по-прежнему ловушка) почему-то не торопились показываться. Чего же они ждут?! Пока «черепа» разгромят здесь все, и уберутся восвояси?..

Ответов не прибавлялось.

«Ледокол» тем временем двигался намеченным курсом, раздвигая «льдины» острым носом. Куда они идут, для чего – Волк терялся в догадках. Но Череп был совершенно спокоен, а «черепа», казалось, четко представляли, что делают. Судя по всему, в мероприятии участвовали матерые ветераны. На их счету – разбитые сердца рестораторов, зловещие знаки на бронированном корпусе. Эти громилы досконально изучили (еще) несуществующий учебник «Теория организованных погромов», прошли многомесячную практику и с честью защитили дипломную работу...

Короче, крутые ребята.

Больше всех не повезло тем тусовщикам, что не успели убраться с дороги, или оказались недопустимо тяжелы, чтобы позволить отбросить себя в сторону. По бедам прощлась не одна пара ног. Их бы затоптали насмерть, дай Череп «установку» на жертвы. За неимением таковой, кому-то приходилось выкидывать несчастных в толпу.

Происходящее, однако, казалось небольшим завихрением в углу огромного водоема. Посетителей насчитывалось несоизмеримо больше, чем погромщиков. Это не имело принципиального значения – бригада «черепов» производила тот ошеломительный эффект, что и когорта римских легионеров в толпе варваров. Тусовщики же представляли неорганизованную ватагу разобщенных индивидов, не способных к сопротивлению. Вооружение и привычка бандитов к подобному роду занятий, имела, как ни странно, едва ли не меньшее значение, чем неожиданность.

Две сотни безволосых набились в клуб, чтобы, страдая от клаустрофобии, духоты, акустической нагрузки и невероятных цен, истово попытаться получить удовольствие. Визит бритоголовых молодчиков совершенно не вменялся в этот план.

На танцплощадке все шло своим чередом. «Завихрения», создаваемые гангстерами, туда еще не добрались. Некоторое смятение наблюдалось на флангах, вспоротых неумолимым «ледоколом» Черепа. Тусовщики поднимались на ноги, потирали ушибы, блевали, толкались – после того, как «черепа» прошли мимо – цепная реакция («Кретин, смотри, куда прешь!.. Осторожней!.. Козлы!..») затухала далеко вдаль.

Вот боевая машина Ордена притормозила, затем вовсе застопорила ход. В рядах бандитов началась перегруппировка. Остроконечный нос, развернувшись, нацелился на данспол. Танцоры продолжали веселиться, не догадываясь, что им предстоит. Гремели динамики (которые ПО-ПРЕЖНЕМУ никто не удосужился отключить), тусовщики сотрясались в электрон-

ном ритме. На физиономиях горели отблески кислотного пожара (горел, не иначе, пункт переработки радиоактивных отходов). Чуть помедлив, Череп двинулся вперед. Его ухмылка не сулила ничего хорошего.

Курт бросился вдогонку. Расталкивая гангстеров, он следовал шаг в шаг за главой Ордена.

Череп остановился. Впереди, во всей своей доступности и незащитности, простиралась «Лавина» – бешенство красок, примитивных ритмов и безволосых тел.

Руки гангстера привычными движениями вынули пистолеты. Два длинноствольных ТТ, черных от смазки. Бог знал, сколько лет этим стволам. Череп, как ни странно – принимая во внимание его маниакальную предусмотрительность – никогда не расставался с «русскими близняшками». На пистолетах отсутствовала какая-либо маркировка, не считая калибра. Для главы Ордена, по-видимому, они были чем-то важны.

Череп поднял антикварное оружие.

Волк провел воображаемый вектор от пистолетов к предполагаемой цели. Бандит целился не в толпу, а, напротив, в потолок «Лавины». Там, подвешенные к стальным балкам, находились колоссальные динамики. Для того, чтобы почувствовать ЗВУК, не требовалось обладать слухом (как таковым), – мощные волны невозбранно проникали сквозь кожу, ткани, и обретали звучание во внутренних полостях. Эксплуатация ТАКОЙ аппаратуры в закрытом пространстве означала самоубийство.

Глава Ордена развел руки. Похоже, он намеревался расстрелять динамики одновременно.

С той позиции, где стоял Страйкер, казалось, что меж колонками болтался гигантский зеркальный шар. Один из тех архаичных приспособлений, похожий на елочную игрушку. Символ эпохи «диско», ушедшей безвозвратно. Вот только этот шар насчитывал в диаметре семьдесят-восемьдесят сантиметров. Самая здоровенная елочная игрушка, какую Курт видел в своей жизни. Шар беспрестанно расстреливали десяток лазерных установок, – зрелище получалось феерическое. Разноцветные лучи соприкасались с поверхностью, составленной из тысяч крохотных зеркал, и, преломившись под непредсказуемым углом, уносились куда-то в сторону. Шар непрерывно вращался, благодаря чему был целиком охвачен лазерным пламенем.

На самом деле анахронизм висел аккурат НАД дансполом – в геометрическом центре площадки. Черепу, стоящему с разведенными руками, наверняка казалось, что шар /ослепительный круг разноцветного пламени/ завис между черных ТТ.

Будто отмечая расстояние до целей.

Невыносимо-громкая музыка не могла бандита не раздражать. Стоит лишь ее вырубить, и праздная шваль моментально сообразит, что вечеринка подошла к концу.

Улыбка Черепа стала шире – как у человека, осведомленного о чем-то, что послужит для многих скоростным сюрпризом. Пляшущие лазеры сверкали в черных стеклах очков. Шар, раздвоившись, стал астрономическим феноменом «содружеств светил».

Глава Ордена свел стволы вместе.

Волку не требовалось переводить взгляд, чтобы сообразить, КУДА целится гангстер.

Сверкающий шар затмили черные стволы. Они размножились – в каждом непроницаемом стекле, соответственно, по паре. Пистолеты поднялись к канату, вращавшему шар.

Страйкер затаил дыхание. Глаза метнулись к дансполу. В «геометрическом центре» (чего, впрочем, следовало ожидать) ЯБЛОКУ было негде упасть от массы безволосых тел – что уж говорить о сверкающем анахронизме диаметром без малого метр?!. Вес странной штуковины колебался от пуда до сорока-пятидесяти килограммов. Пятнадцатиметровый потолок добавлял лишний центнер. Насчитывай шар всего два кг., и, рухнув с такой высоты, гарантированно обеспечил бы немало жертв.

Указательные пальцы Черепа легли на спусковые крючки. Волк видел, как напряглись руки бандита. Это говорило о том, что разум уже принял решение, и финальный приказ, рассекая временные парадоксы, вот-вот полетит по нейронным цепям.

Волк распахнул пасть; лапы непроизвольно дернулись. Вне сомнения, ему нет никакого дела до тусовщиков, растрачивающих энергию в нелепых плясках. Более того, эти – с позволения сказать, – личности были Курту глубоко омерзительны.

Однако, он не видел смысла в лишней жертве. Не видел и тогда, когда на арене его клинки выпускали кишки из какого-то бедолаги, которого Страйкер (!) даже не знал. Убийство, не отягощенное мотивом. Просто потому, что этого хотел Хэнк Таран. С тех пор НИЧЕГО не изменилось. В Ордене, на плодородной почве человеческих пороков, произрастали сорняки и похуже. Череп собирался рискнуть чьими-то жизнями просто оттого, что у него появилось такое желание. Как водитель пассажирского автобуса, накурившийся марихуаны в самый разгар рабочего дня.

Волк не успел.

Длинные пальцы Черепа – пальцы пианиста или убийцы, – опустились на гашетки. [Время сгустилось, потекло вязкими потоками. Примитивные ритмы из четких, непогрешимых контрапунктов превратились в невнятное мычание.] Оба курка с неудержимостью гильотин клацнули о бойки. Бойки врезались в капсюли. Внутри русских пистолетов произошел несложный процесс преобразования одного вида энергии в иной. Затворы дернулись взад-вперед, выплевывая гильзы и снимая патроны с обоймы. Стволы брызнули тугими струйками голубого дыма. Отдача.

...А пули уже мчались к цели.

Гангстер трижды нажимал на крючки, и трижды ТТ выпускали из себя металлических пчел. Выстрелы гремели над волчьими ушами, но Курт не обращал на это внимания. Он просто смотрел. Да и что, по сути, он мог предпринять?.. В голову упорно лезли глупости: сцена из китайского фильма, где герой не позволял противнику спустить курок, удерживая этот самый курок ПАЛЬЦЕМ. В гонконгском кино и не такие фокусы выделявали. Волк же сомневался, что смог бы воспрепятствовать (самому ловкому ганслингеру, какого Курт видел) выстрелить Черепу.

Бандит опустил русские пистолеты. Улыбка намертво приросла к бледной физиономии. Время, закусив удила, помчалось вскачь.

Страйкер обернулся. Взгляд пронесся над сотнями голов, пробился сквозь лазерный ливень и осторожно ощупал цель. Можно было сомневаться, спорить, причем не без оснований: расстояние слишком велико, трос – тонок, а стволы – древний хлам.

Тем не менее, эти аргументы, независимо от обоснованности, разбегались, точно дворняги от льва, при появлении единственного, по-настоящему неопровержимого факта.

Стрелял-то Череп.

А это все кардинально меняло. Курт совершенно не удивился, обнаружив, что трос, простреленный в двух-трех местах, стал лопаться под весом огромного шара.

Сердце пропустило удар. Волк шагнул вперед, что-то кричал.

Канат оборвался.

Шар, объятый радужным пламенем, полетел к земле, как десница Господа, карающая грешников. Лазерные установки не могли предотвратить это падение. Лучи стекали с зеркальной поверхности крупными разноцветными каплями. Но гравитация смеялась над оптическими эффектами. По мере приближения земли шар неуклонно чернел.

...Упал. НЕ МОГ не упасть.

По идеальной прямой. В «геометрический центр» данспола. Там, где была наиболее высока концентрация безволосых тел. Падение заглушил рваный ритм музыкального грохота. Страйкеру казалось, что он расслышал сухой треск, затем – влажный звук, примерно такой,

какой непременно получится, стоит швырнуть десятикилограммовую гирию в ведро с помидорами. Большинство подробностей Курт (к сожалению?..) не увидел. Все скрыли тела тусовщиков, заволновавшиеся вокруг эпицентра падения – круги на воде. Зеркальные останки взметнулись над толпой.

Безволосые бросились врассыпную. На неуловимое мгновение Страйкеру открылось ТО, что находилось посреди танцплощадки. Расколотый шар, кровь, разбитые тела.

Хиросима в миниатюре.

Как всегда в подобных случаях, эти люди погибли просто оттого, что оказались в неподходящем месте, в неподходящий час – в «геометрическом центре» клуба, избранного Орденом Черепа для погрома. Сегодняшней ночью. Какие-то секунды назад.

Волк, оскалившись, с ненавистью посмотрел на гангстера. Тот продолжал улыбаться. Похожую ухмылку – самодовольную, почти торжественную – можно увидеть на лице профессионального игрока в кегельбан, прочитавшего на табло заветное «Strike!».

Курт находился в растерянности. Одно из тех редких мгновений, когда он просто не знал, что ему делать. Больше всего, конечно, хотелось наброситься на Черепа, разорвать белую (как брюхо у какого-нибудь глубоководного гада) глотку... Но к чему, в конечном итоге, это приведет?... Ядерная субмарина взорвется, перечеркнув одним-единственным инсультом все планы, надежды, перспективы. Это не годится.

Имеет смысл подождать.

Раздумья и сомнения компактно уместились в одном непродолжительном мгновении. А потом – динамики заглохли (DJ НАКОНЕЦ-ТО сообразил вырубить музыку); Череп поднял стволы над головой и выстрелил в потолок. Погром начался.

Вокруг разверзся кромешный Хаос. /Как утверждалось бы в какой-нибудь саге, «...его темная, первозданная энергия проникала в стены реальности, разъеденные энтропией, и воспламеняла людские души – пешки на шахматной доске неведомых сил, – необузданными страстями...»./ Казалось, многие сотни вещей происходили одновременно. Кто-то кричал, куда-то бежал, кого-то топтал... На Волка рухнуло безумие.

«Черепа», не сговариваясь, принялись громить столы, оказавшиеся в непосредственной близости. К этому занятию бандиты подошли с ответственностью и известной долей воодушевления. Проявленной же методичности позавидовал бы любой физик-атомщик. Электросхемы, чипы и стекло с треском разлетались во все стороны, когда на сенсорные панели (предназначавшиеся исключительно для нежных прикосновений клиентов, желающих заказать тот либо иной пункт меню). Посетители, еще не сообразившие убраться подальше, извлекались из-за насиженных мест и вразумлялись «вручную». Неизвестный погромщик (его подвиг останется в истории) расстрелял бар над головой у шокированного бармена. Резиновые пули разбивали бутылки ничуть не хуже настоящих. Разноградусный алкоголь, смешиваясь в невообразимо-уникальные коктейли, стекал ручьями на пол.

Сотни безволосых ломились с данспола к единственному выходу. Сказать, что при этом возникла некоторая давка, означало не больше того заявления, что в мясорубке мясо перестает быть бифштексом. Некоторые шагали, в буквальном смысле, по головам. Большинство еще не понимали, что случилось, но стадный инстинкт подсказал верное направление. Падение шара, отсутствие привычного звукового фона – особи, особенно подверженные панике, инфицировали своим страхом остальных. Цепная реакция, наподобие той, что имела место в электрической цепи. Если бегут ВСЕ, то как можно сомневаться в обоснованности этих действий?! Кроме того, те немногие особи, что были способны проявить останки индивидуальности, бежали вровень с общей массой, дабы не оказаться затоптанными насмерть. Первобытный ужас поднимался из кишок (недаром он назывался «животным»), карабкался по пищеводу и проникал в мозг. Остальное – дело конечностей.

Погромщики охотно подсыпали селитры в огонь. У кого-то с собой – что за предусмотрительность!.. – оказались баллоны со слезоточивым газом. Стоило произойти этому открытию, и над танцполом взметнулись столбы белого, едкого дыма.

Уши Страйкера были по-прежнему заложены от пальбы Черепа, но вопли безволосых без труда протискивались в череп, бились стаей летучих мышей. От неистового топота содрогался фундамент, – точно стадо бронтозавров спешило на водопой.

Гангстеры играли роль загонщиков. Теперь Курт понимал, с какой целью «тевтонская свинья» (она же – «клин» и «ледокол») преодолела столь долгий путь вглубь «Лавины». Ответ становился очевидным, стоило взглянуть на безволосое, взбесившееся стадо, рвущееся к выходу. Боевики Ордена заблаговременно ушли с маршрута толпы, благодаря чему теперь могли не рисковать быть сметенными с дороги.

Когда тусовщики выбивались из нестройных рядов – не с целью проявить индивидуальность, а потому, что их подталкивали сзади, – гангстеры дубинками загоняли бедолаг назад. Многие, побывав в эпицентре едкого газа, беспрестанно кашляли, и практически ничего не видели. Когда же на них, ни с того, ни с сего, обрушивались удары, это воспринималось как нечто само собой разумеющееся. Бандиты не церемонились – колотили, по чем зря, представителей обоих полов (девушек, возможно, с меньшим энтузиазмом). Ключья дорогой, нарядной одежды летали бабочками.

Неожиданно Страйкер сообразил, где он видел подобное. По головизору, на полицейском канале, во время репортажей о столкновениях футбольных фанатов с полицией. Над разгромленными стадионами также поднимались столбы дыма: легавые вовсю расшвыривали те же баллоны, что и «черепа», а фэны жгли пластмассовые стулья... Разница состояла в том, что в «Лавине» не проводилось даже бильярдных турниров, не говоря о футболе. Впрочем, сыщись у Всадников свой стадион...

Вообразить это экспромтом не вышло.

Череп свирепствовал в самой гуще, с позволения сказать, сражения. Труба в его руках порхала, будто тростинка. От металлического обреза, когда гангстер размахивался, исходили явственные колебания /как в японских мультфильмах/, без труда различимые невооруженным взглядом. Если бы не заложенные грохотом уши, Курт наверняка расслышал бы яростный вой – это воздух пел в полости трубы. (Так, должно быть, тысячи лет назад легендарный Буревестник подвывал красноглазому Эльрику.)

Тусовщики разлетались под мощными ударами. Бандит орудовал грубым, непрактичным орудием со знанием дела и с очевидным удовольствием. Единственный его удар мог запросто размогнуть хлипкий череп, содержимое которого размякло от праздных мыслей, наркотиков и никчемной музыки. Но Череп, судя по всему, не переменял первоначального решения насчет лишних жертв. Обрезок трубы обнаруживал поразительное милосердие, несвойственное бездушной стали.

Телохранители усердствовали на своих участках, предпочитая не путаться у шефа под ногами. Расчищать Черепу дорогу, мягко говоря, было делом неблагодарным. Бандиту происходящее приходилось по душе, и служебную рьяность охраны он мог попросту не оценить. Глава Ордена очень не любил оказываться в глупом положении. А таковое бы непременно случилось, окажись Череп один на один со своей дубиной посреди очищенного от тусовщиков круга... Помимо того, телохранители, похоже, и сами опасались подвернуться боссу под горячую руку.

Что же касалось «личного охранника» (+ надбавка за «штатного киллера»), то действия Страйкера сводились к следующему: полуоглохший, он стоял в стороне, и с распахнутой пастью созерцал происходящее. Он находился не в своей тарелке.

И не в соседской.

Приучить Волка к подобному оказалась бессильна даже Яма, наполненная телами гладиаторов. Тот Хаос, что простирался вокруг, не давал пояснений. Исступленная жестокость, стерильная ярость... «Череп» издевались над толпой, и, несомненно, получали наслаждение. Но какой в том смысл, – недоумевал Курт, – если не убьешь?..

Ответ, вероятно, знали четвероногие предки. Зверь убивает ради еды, или во имя выживания, не получая никакого удовольствия. А посему садизм убийцам не к лицу.

Несмотря на смятение, охватившее Страйкера, какая-то часть его сознания оставалась напряженной и сосредоточенной. Волк ни на мгновение не выпускал Черепа из обзора. Бандит, увлекшись, погрузился в толпу. Обрезок трубы парил над головами. Курт встревожился. Не хватало еще, чтобы бритоголового выродка опрокинула наземь очередная волна паникеров. Достаточно одного, не особо прицельного, попадания каблуком-шпилькой... В такой массе это более чем вероятно. /Учитывая то, что девушки вырядились так, точно посещение «Лавины» – второе по важности событие (после свадьбы, разумеется) в жизни./ Череп, при самом благоприятном исходе, лишится глаза. Ну а девушка сломает или шпильку, или лодыжку.

Волк вытянул шею...

Обогнув колонну, на вершине которой громоздились лазерные установки (разноцветные лучи тщетно скоблили потолок, пытаясь найти рухнувший шар), к выходу мчалась группка из пятнадцати-двадцати безволосых. Молодые люди – распахнутые от ужаса рты, выпученные глаза, раздувающиеся ноздри. Остро повеяло спиртным (впрочем, «расстрелянный» бар находился в считанных метрах), марихуаной и синтетическим, высокотехнологичным ЛСД. Примерно половину группы составили пышногрудые девицы, обутые, по иронии Судьбы, в туфли на шпильках.

Решение образовалось [вспыхнуло, зажглось стоваттной лампочкой] почти мгновенно. Страйкер растерянно прикидывал варианты, в то время как вторая часть его «Я» – холодная, молниеносная и собранная – не сомневалась ни секунды. К счастью, рычаги управления находились у этой самой части. Волк тронулся с места, не отдавая отчета в собственных действиях. Взгляд суматошно шарил по сторонам.

Телохранители Черепа занимались своим делом; работы у всех хватало по горло. Толпа кого-то смяла, и гангстеры разгребали завалы. На босса никто даже не глядел. Соответственно, никто не успеет прийти на помощь /не исключалась и такая вероятность, что главу Ордена оставили без присмотра осознанно, но об этом Курт поразмыслит немного позднее/. Сам Череп настолько увлекся избиением тусовщиков («...Праздная, бесполезная шваль, прохлаждающаяся в клубах, тогда как нормальные люди гнут хребты на работе, либо спят без задних ног...»), что не замечал ничего вокруг – по-видимому, отождествляя себя с легендарными берсерками.

В одно мгновение Волк преодолел больше половины дистанции. Дальше будет тяжелее – безволосые, выбиваясь из общего стада, мчались к выходу. Гангстеры казались островками в бушующем океане [...прилив все продолжался...]. Вторая часть Страйкера дернула за нужный рычаг. Мощно оттолкнувшись, Курт запрыгнул на столик (по чудесному совпадению не тронутый погромщиками), и с этого трамплина совершил второй прыжок – головы безволосых пронеслись в метре под ногами. Какой-то гангстер с жутко разрисованной физиономией едва не зацепил «штатного киллера» своей арматурой. Волк приземлился на согнутые ноги, и, не теряя ни секунды, кинулся дальше. Вокруг мельтешили дубины, руки, ноги, головы... Сумасшедший лабиринт, где ничего не стоит заблудиться /а если не заблудиться, то, зацепившись за выступающую часть, потерять бесценные мгновения/.

Неожиданно путь преградили трое ошалевших тусовщиков. Они застыли, смятенно озираясь. Никто, по-видимому, и не помышлял об активных действиях (не говоря о сопротивлении), пребывая в стрессовом ступоре. Огибать их у Курта не было времени, – парней угораздило занять позицию на том маршруте, что вел напрямик к главе Ордена. Сами они, как назло, в сторону метаморфа не глядели.

Наконец один обернулся. Глазам его, нужно думать, предстало следующее зрелище: проворная, стремительная фигура, в движениях которой сквозило что-то не вполне человеческое, просачивалась, словно ртуть, меж бегущих тусовщиков. А лицо...

Волку не представлялась возможность следить за такими частностями, как капюшон. Вот луч прожектора, продетый через красный фильтр, обрушился на мохнатую морду. Курт на мгновение утратил зрение; безволосый, наблюдавший /собственно, процесс наблюдения занял две-три (плюс-минус десятые доли) секунды/ за его приближением, раскрыл тонкогубый рот. СУЩЕСТВО, летящее к нему (!!!), носило, вместо обычного лица, какую-то кошмарную маску – широкая пасть (назвать ее по-иному не поворачивался язык) с впечатляющей массой острых зубов; приплюснутый «тигриный» нос; раскосые глаза, блестящие яростным желтым огнем...

Безволосый, ошалеv от увиденного еще больше, предпринял судорожную попытку отпрыгнуть. Но, ввиду нервной нагрузке, бушевавшей вокруг огненным смерчем, маневр вышел не особо удачным. Поскользнувшись, парень повалился на четвереньки.

Не воспользоваться этим шансом было просто глупо. Подпрыгнуv, Волк в прыжке оттолкнулся ногой от тусовщика, приобретя тем самым добавочную высоту (по крайней мере, кто-то из «праздной швали» мог с полным правом похвастаться тем, что гнул сегодня хребет). Приобретенный метр позволил Страйкеру беспрепятственно пролететь над безволосыми, и даже, возможно, выиграть пару секунд.

Злополучная кучка безволосых, не меняя направления и не сбавляя темпа, мчалась на Черепа. Тот, самозабвенно махая трубой, не трудился даже обернуться.

Курт прыгнул. Пронесся пушечным ядром, и, вытянув руки, врезался гангстеру в спину. Глава Ордена повалился в толпу. На какое-то мгновение его ноги утратили контакт с поверхностью пола. Обрезок стальной трубы, трагично прогудев, изменил траекторию самым непредсказуемым образом, и обрушился... на чью-то голову. Хрустнуло; брызнула кровь. Тусовщик с пробитым черепом рухнул замертво.

Страйкер ощерился. Гнев, ярость, боль взбурлили в животе ядовитым коктейлем.

Группка безволосых, наполовину состоящая из девиц в туфлях на шпильках, промчалась мимо. Дорогу они себе расчищали наподобие того, как носорог ломится сквозь джунгли. Миг – и они пропали из вида, оставив позади несколько лежащих тел.

Волк схватил Черепа за шкуру, единственным усилием поставил на ноги. Бандит попытался отмахнуться обрезком трубы. С «ударного» конца дубины стекала кровь.

– Спокойно, свои!.. – крикнул Курт.

Ему показалось, что крикнул. На самом деле из глотки вырвался хриплый, нечленораздельный рык. Скорее лай, чем слова. Гангстер, естественно, не понял ни слова. Уставился на «штатного киллера» из-за темных очков. Лицо – такое же бледное, как всегда.

Однако, смысл Череп уловил.

Кивнул.

По тропке, проложенной передовым отрядом [девушек на высоких каблуках], следовали группки поменьше. Двое, трое, четверо. Поймаv боковым зрением движение, Страйкер метнулся в сторону. Первого безволосого он отшвырнул сильным пинком (хр-р-рясь!!!) по ребрам. Второго – левой (бабах!!) лапой. А потом неожиданно понял, что в другой руке (по-прежнему) находится бейсбольная бита. Один-единственный удар (бац!), и третий тусовщик отлетает на несколько метров.

Объективных причин для этой жестокости не было. Просто Курт не МОГ остановиться.

Видел, как труба разможила череп ни в чем не повинного человека (просто потому, что ему не повезло находиться В ЭТОМ МЕСТЕ, В ЭТОТ САМЫЙ ЧАС). Трубу держал Череп. Но виновен в случившемся был Волк. Не толкни он гангстера, и ничего бы не произошло.

Дубина прошла бы выше. Если бы Череп – треклятый ублюдок, – соблаговолит оглядываться по сторонам, и отошел бы в сторону.

Однако...

Страйкер своими лапами спас бандита /ценой другой жизни/. Причина – крайне проста, как и всякая истина. Прежде всего, Курт опасался за собственную шкуру (отталкиваясь от отвлеченных концепций и косвенных доказательств, что в сосудах его мозга дрейфует микроскопическая, полностью автономная бомба). Чтобы спасти оную шкуру, Волк, ненароком пожертвовал посторонним человеком. Сберег жизнь Череп. Человека, которого он сейчас ненавидел, пожалуй, больше Тарана, Лысого Хью [сотоварищи]... И, как ни странно, больше самого Ковбоя (далекого, недостижимого, почти мифического Ковбоя, обитателя местного Олимпа).

В этом состояла печальная правда. Страйкер привык смотреть в лицо своим демонам.

Взрыв в воздух разъяренной пружины, он обрушился на безволосых, что бежали меж разбитых столов. Удары, пинки, тычки битой – все смешалось в диком водовороте. Тусовщики разлетались беспомощными марионетками. Каким-то образом /из Главной рубки своего милитаризованного разума/ Курт, однако, ухитрился держать себя в стальных тисках самоконтроля. Он ни разу не пустил в ход клыки, а удары наносил битой или кулаком. Смертоносные когти – Волк по-прежнему точил их до самоубийственной остроты, подчиняясь «гладиаторской» привычке, – таким образом, оставались невооруженными. Он прыгал, валил с ног, пинал...

Пока не опомнился, с удивлением обнаружив, что бить, в сущности, некого.

На ногах остались лишь «череп». Включая самую ГЛАВНУЮ ШИШКУ. Около десятка тусовщиков, постанывая [от травм незначительной степени тяжести], лежали на полу. Остатки толпы ломались в двери «Лавины» – слишком узкие для всех желающих. Гомон и топот малопомалу стихали. Красные пиджаки исчезли из виду – тусовщики сметали на своем пути любые препятствия, словно эскадра бульдозеров.

Не успел Курт сделать эти открытия, как бандиты принялись упражняться в бросках тяжелых снарядов. Все бы ничего, если бы наряду с этим здоровяки не потакали детской страсти к разрушению (доставшейся, судя по всему, в наследство от того нежного возраста, когда вечеринки назывались «утренниками»). Бросали они ни что иное, как гранаты. Осколочного типа, так называемые «лимонки» (по 50\$ за дюжину); кумулятивные (10\$ за штуку по предварительному заказу – ввиду низкого спроса); слезоточивые баллоны (от 10 до 40\$ за упаковку, в зависимости от жадности сторожа). Взрывы набухали, расцветали и рвались по всей дискотеке. Впереди мчалась воздушная стена, насквозь пропитанная грохотом, напором и жаром.

На мгновение Страйкеру показалось, точно он попал в дурацкий фильм о Четвертой иракской войне. Где американцы, где турки, где украинцы – не разберешь. Стены «Лавины», украшенные сложной декорацией, разлетались на части. Гипсовая лепка, неоновые трубы, голографические ансамбли, дорогая аппаратура – все отправлялось к такой-то матери. «Череп», похоже, намеревались нанести дискотеке ущерб в пару миллионов \$. Две-три осколочных гранаты угодили в VIP-зону /осколки зеркал и хрупкие ширмочки взметнулись под потолок на огненных крыльях/.

В какой-то момент этого бешенства Курт сделал очередное открытие: уши его вновь приобрели занятную способность воспринимать, и, что немаловажно, преобразовывать акустические колебания. Вероятно, грохотание взрывов – если, конечно, с медицинской точки зрения это возможно, – вытолкнуло предыдущие «пробки».

Звуковое прозрение ознаменовалось единственным звуком, который Волк минуту назад бы расслышал, но, определенно, не мог бы вычленивать из совокупного фона, не говоря об идентификации. Первым источник запеленговал Череп (в чем, собственно, не было ничего поразительного – глава Ордена держал пистолеты на расстоянии вытянутой руки, слух безволо-

ских обладал меньшей чувствительностью, и, наконец, причина могла заключаться в банальном виброзвонке...).

Звон полифонии.

Короткие, мерзкие, знакомые трели. Как всегда, не предвещающие ничего хорошего.

Звонили Черепу. На мобильный. Как всегда, чтобы сообщить что-нибудь, что всенепременно скажется на шкуре подчиненных. Что-то весьма неприятное. Эта концепция приобрела мгновенное подтверждение, стоило лишь взглянуть на физиономию гангстера: серьезную, вытянувшуюся – как у человека, имевшего беседу с лечащим врачом своей столетней бабушки, – норовящую втянуться в крохотную трубку.

Свирепо глянув на «бомбардиров», Череп махнул рукой.

Бандиты незамедлительно припрятали гранаты до лучших времен. Кто-то стал возвращать вырванную чеку на место. Остальные настороженно следили за его манипуляциями, поддерживаясь, однако, от комментариев. /Страйкер крайне удивился, увидев гранаты, а затем понял, что перевозить такие вещи в багажнике – вместе с арматурой и битами – не додумались бы даже «череп». / Наконец чека вернулась на место.

Глава Ордена продолжил беседу. Курт наострил уши – тщетно. Гангстер изъяснялся короткими фразами «да», «так», «суки» (последнее – с особой экспрессивностью), совершенно не проясняющими проблемы ни по отдельности, ни в совокупности. Ясно было, что Череп чем-то взволнован. Кроме того, Волк привык доверять своему внутреннему голосу – «волчьему чутью», если использовать термины кое-каких господ, питающих страсть к антропологии, – а сейчас тот не смолкал.

Беда, мол, пришла.

Череп убрал телефон. Затем выдохнул:

– Беда!..

Гангстеры вышколено молчали. «Что случилось?!» – вопили напряженные лица.

– Всадники атакуют штаб-квартиру, – сказал глава Ордена, словно сам в это не верил.

Лысые головы повернулись друг к другу. «Череп» обменялись всплесками негодования. «Как?! Кто посмел?! Да мы их!..». Штаб-квартира являлась святыней Ордена /традиционной, конспиративной, фанатично-преданной (своим же интересам) группировки/. Совершить на нее покушение – означало собственными руками подписать смертный приговор. Неудивительно, что подсознательно Череп отказывался поверить в услышанное. Война неотвратимо проникла в новую фазу.

Бандиты постояли еще пару мгновений, приходя в себя, а потом... сорвались с места – в сосредоточенном молчании, без воплей и гомона, – как болиды на чемпионате Формулы-1. Череп бежал первым. Не потому, что был самым быстрым, а потому, что «подрезать» начальство – никуда не годится. Страйкер прикрывал тыл.

Не потому, что был самым медлительным. Не потому, что слишком устал. Но оттого, что находился в том потрясающем состоянии, когда подтверждались самые затаенные, нелепые предположения, и, казалось, впору задуматься о выявлении экстрасенсорных способностей, – на заваленных всевозможным бараклом задворках собственного разума. «Волчье чутье» ликовало. Ожидания подтвердились в полной мере.

Визит Всадников Апокалипсиса не заставил себя долго ждать. Контратака, западня, штурм главной базы – «в одном флаконе (позвонив ПРЯМО СЕЙЧАС, Вы получите ВТОРОЙ такой набор совершенно БЕСПЛАТНО!)». Вместо того, чтобы рассредоточивать силы между базой и объектами второстепенной важности (заведения наподобие «Лавины», склады, Сеть-кафе...), Всадники поступили совсем по-другому. Вероятно, они заблаговременно планировали эту операцию, а погром в «Лавине», так сказать, завизировал наработки. Действительно, можно ли ожидать более подходящего момент, нежели этот?.. /1/. «Черепов» (во всяком слу-

чае, большинства) нет дома; 2) Предотвратить погром «Лавины» Всадники не успевали, так какой смысл тратить бесценное время?/ Им можно распорядиться с пользой...

Усмехнувшись, Курт подумал, что теперь никто из «черепов» не заикнется о том, что нападение на штаб-квартиру противника – «провальный и бездарный в тактическом отношении ход». Впрочем, авторитет Черепа был надежен, точно железобетонный фундамент. Чтобы его поколебать, требовалось что-то существенно большее.

Бандиты выскочили наружу. Тусовщики разделились – кто-то стремился к Сан-Сету, но подавляющее большинство – вглубь Гетто. Вереница автомобилей Ордена по-прежнему стояла на противоположной стороне. «Красные пиджаки», роняя обрывки шикарной униформы, копошились у дверного проема. Никто не обращал на них внимания /у «черепов» возникли дела поважнее/. Те гангстеры, что остались снаружи, озадаченно наблюдали за тем, как товарищи, сломя головы, несутся через проезжую часть. Движение снова обмерло при виде такого нахальства, но, в отличие от прошлого раза, бандиты не медлили ради того, чтобы расколотить пару фар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.